Последний алхимик

Автор:
Юрий Корчевский

Последний алхимик

Юрий Григорьевич Корчевский

Никита Волков, кандидат химических наук из Санкт-Петербурга, проводит опыты в своем закрытом НИИ. Но что-то пошло не так, и он неожиданно оказывается в подвале средневекового алхимика. На дворе лето 7103 года от сотворения мира…

Чтобы выжить, Никита добывает из руды золото и пытается создать философский камень, но большого успеха не достигает. Зато у него ненароком получается синтезировать омолаживающий эликсир, который он испытывает на престарелой боярыне. О чудо! Эликсир сработал, превратив старушку в юную девицу. Алхимик влюбляется в девушку, как Пигмалион в свою Галатею, и она отвечает ему взаимностью. Но накануне свадьбы за женихом приходят служивые люди из Разбойного приказа…

Юрий Корчевский

Последний алхимик

© Корчевский Ю.Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Достукался

Никита химию любил ещё со старших классов школы. Кому-то по душе литература, другим – точные науки, вроде математики. Он мечтал стать химиком, единственный в классе. После школы поступил в вуз, один из немногих был оставлен в родном Санкт-Петербурге в Научно-исследовательском институте. С годами защитил кандидатскую диссертацию, стал младшим научным сотрудником. Постепенно, под влиянием своего руководителя, стал сотрудничать с биохимиками. Направление относительно новое, перспективное. Новые лекарственные препараты создавались как раз на стыке биохимии и генетики. В генетике Никита не понимал ничего и не лез. Ему своих опытов хватало с лихвой. Вечно ходил на работе в прожжённых халатах. Как ни берегись, а брызги кислоты или щёлочи иной раз попадают. Глаза берёг, защитными очками не пренебрегал. Но дожил до тридцати лет и не женился. Умён, собой недурён, но пахло от него не одеколоном, а химией едкой. Да и какая зарплата у МНС в девяностые? Хороший подарок сделать не мог. А в ресторанах уже дельцы – барыги в малиновых пиджаках с золотыми цепями в палец. Государство все прикладные институты финансировать практически перестало, хоть в грузчики иди. Кто пошустрее был да иностранными языками владел, из института уволились, за бугор уехали. Остались только идейные да фанатики, вроде Никиты. Чтобы выжить, многие сотрудники левые подработки брали. Никита долго противился, но живот доводов разума не принимал. Допекло его, когда последние туфли прохудились, а купить не на что. Вовремя коммерсант подвернулся с предложением – создать рецепт смеси, самоотвердевающейся при проколе колеса. Подсмотрели на Западе новинку, хотели собственное производство открыть. Заманчиво, ибо денег предложили много, фактически его годовую зарплату. После работы оставаться стал допоздна. Сначала теорию изучил по умным книгам, потом стал экспериментировать со смесями. Заработался, забыв про время, почти до полуночи. Потом посмотрел на часы, поторапливаться стал, иначе можно и на метро не успеть, а денег на такси не было. И, видимо, по ошибке не ту кислоту в раствор вылил. Сначала из колбы повалил серый едкий дым, потом стекло с хлопком разлетелось. Никита от стола отшатнулся, споткнулся, упал. Дым наполнил лабораторию. Он закашлялся, хотел встать, но вверху дым был гуще.

Ползком, потом на четвереньках направился в сторону двери. Толкнул рукой в то место, где дверь должна была быть, а рука на стену наткнулась. И всё бы ничего, ошибся, бывает, да только стена каменная, а не гладко оштукатурена. Удивился. Потянуло сквозняком, дым стал рассеиваться, и он увидел себя сидевшим на полу в неизвестном помещении. Мало того, в подвале, судя по полукруглому своду и маленькому оконцу вверху. В институте таких подвалов не было. Встал, осмотрелся. Длинный стол, склянки коричневого стекла, пахнет привычно, как в любой лаборатории – реактивами. Но почему освещение от двух факелов, чадящих в держателях на стенах? Электричество человечеству уже сто лет служит!

Хлопнула массивная деревянная дверь, в подвал вошёл кряжистый мужик в рубахе косоворотке, подвязанной верёвкой, в штанах из грубой ткани, в коротких полусапожках. И что поразило больше – с огромной, лопатой, бородой. Волос и на голове хватало, видимо, у парикмахера давно не был. Первой мыслью было – старовер? Уж больно похож, как их на портретах рисуют. А второй – не сумасшедший ли? Какой старовер будет химией заниматься? Мужик уставился на Никиту.

– Простите, я случайно сюда попал, – сказал Никита.

Неудобно, без спроса в чужое помещение попал, вроде как вор.

– Нос в чужие дела суёшь? Кто подослал?

– Клянусь – никто!

– Стало быть, сам секреты выведать хочешь?

– Я, конечно, химик, но мне ваши секреты не нужны. И попрошу мне не тыкать.

– А ты разве боярин? По одёже судить да по роже бритой, так немец.

– Я же по-русски говорю.

– Сколь в государстве иноземцев по-нашему балакать научились, а нутро-то немецкое. За хорошие деньги служат государю.

Точно, сумасшедший мужик, про государя говорит и внешность разбойничья.

– Не понял я что-то. Государь кто?

Если скажет не Путин, бежать из подвала надо, уж больно местечко мрачные мысли навевает.

– Знамо кто, не тёмные мы! Царь Фёдор Иоаннович, многие ему лета.

Точно, крыша поехала у мужика, надо выбираться. Никита вокруг стола бочком-бочком к двери. И мужик там стоит, не двигается. Попробуй его обойди или отодвинь, если кулаки здоровенные.

– А год какой? – спросил Никита.

Пока разговор идёт, мужик в драку не кинется. Драться Никита не умел, за что ещё в школе «ботаником» прозвали.

– Почто пытаешь? Али из Разбойного приказа? Лето ныне семь тысяч сто третье от сотворения мира.

Никита быстро в уме пересчитал. Получалось – 1595 год от Рождества Христова. Несуразные вещи мужик говорит с серьёзным видом. По словам – сумасшедший, но поведение не такое, как у умалишённых. Никита с ними не встречался никогда, но полагал, что необычно они себя ведут – закатывают глаза, пускают слюни, кривляются.

– А сам-то чьих будешь?

– Что значит чьих? Я сам по себе, вольный человек.

– Вольный – это хорошо. А про химика соврал?

Мужик шагнул к столу, взял склянку, протянул Никите.

– Это что?

Никита притёртую пробку открыл, ладонью воздух к носу толкнул. Если из флакона нюхнуть, можно получить ожог слизистой носа и нюх надолго утратить.

– Сера.

– Верно. Говорят, серой от дьявола пахнет.

– Сказки для детей.

– В Бога-то веришь?

Никита вытащил из-под футболки нательный крестик на тоненькой верёвочке. Родители в детстве его крестили, в церковь иногда захаживал, но воцерковленным не был, не причащался таинств Христовых. Мужик счёл доказательство убедительным, кивнул головой. Никита крестик спрятал.

Мужик ещё склянку дал. Никита пробку снял. Да тут и принюхиваться не надо – уксус. По-научному уксусный альдегид, трихлоруксусная кислота. Улыбнулся.

– Уксусная кислота.

– Верно. Похоже, на самом деле химик. У иностранцев обучался?

Никита с ответом решил поосторожнее быть, кивнул.

– А я алхимик. Знаешь, что такое?

– А как же! Поиски философского камня, превращение металлов в золото.

Мужик себя ладонями по ляжкам хлопнул. Звук получился, как пушечный выстрел. Никита вздрогнул.

– Тогда знакомы будем. Антип!

– Никита.

Мужик протянул руку. Никита пожал и скривился. Сила у мужика медвежья.

– Вижу – человек учёный, что редкость. А что я тебя раньше в Твери не видел?

– Я разве в Твери?

– Зело странные у тебя ответы. Пойдём во двор, убедишься.

Поднялись по крутым каменным ступеням, вышли во двор. Деревянная изба, хозяйственные постройки. Антип вывел его на улицу.

– Зри! Вон главка церкви Белой Троицы, а вон там, голову поверни, Успенский собор.

Про Успенский собор Никита знал, что в 1569 году царский опричник Малюта Скуратов там задушил в келье митрополита московского Филиппа. Почему-то это его убедило. Да и улицу увидел, дома. На улице проезжая часть плашками крыта и никаких признаков цивилизации – столбов с проводами, телевышки. Выходит, Антип не сумасшедший. Никита ущипнул себя за руку. Больно! Стало быть, и у него не глюки, всё на самом деле. Он в Твери конца XVI века. Ужас какой! Даже не ужас, а ужас-ужас! Что сегодня и завтра есть будет и где спать?

Антип остался доволен произведённым впечатлением. А ещё интуицией уловил растерянность Никиты, хотя он старался скрывать её.

– Скажи, мил-человек Никита. Похоже, ты и сам не подозревал, что в Твери очутился?

– Именно так.

– И денег у тебя нет, как и двора своего?

– Нехорошо на больную мозоль наступать.

– При чём тут мозоль? Пойдёшь ко мне в подмастерья?

Никита осмысливал услышанное. Похоже, подворачивался шанс. Сейчас главное – уцелеть, сохраниться, всё остальное потом. Но сразу соглашаться нельзя.

– Какие условия?

– Вопрос правильный, стало быть, ты человек обстоятельный, похвально. Моя крыша и харчи, за труды будешь получать одну московку в день. Как?

И смотрит хитро. А сколько это – московка? Что на них купить можно? А в принципе – паспортов здесь нет, как и трудовых книжек.

– Согласен!

Антип протянул руку для пожатия. Никита подумал – от радости. Позже выяснилось – так скрепляли договор. Пожал руку после обсуждения условий, как печать поставил. Всё на честности. Купцы так огромные сделки совершали. И поди подведи, не исполни. Сразу слух пойдёт, с обманувшим никто дел иметь не будет.

– Тогда пойдём, отобедаем. Супружница Анастасия знатные щи сварила на курином бульоне.

Антип первым к избе пошёл, Никита за ним. Корил себя в душе. Поторопился он в своей лаборатории, ошибку допустил, за которую расплачиваться надо. Называется – достукался!

В избе Антип представил его жене, женщине дородной, в красном сарафане.

– Мой подмастерье, человек учёный.

Женщина оглядела Никиту с любопытством.

– Мало тебе, что пальцем показывают, так ещё иноземца взял.

– Наш он, русак.

– Одежда не нашенская и лицо бритое. Схизматик?

– Православный он, сам крест видел.

Под схизматиком понимался католик или протестант, религия хоть и христианская, но иноземная, больше немцы да поляки к ней тяготели.

– Переодел бы ты его.

– Сам такожды думал, да по рукам только что ударили.

Уселись за стол. Антип перекрестился, счёл молитву «Отче наш». За ним и Анастасия с Никитой повторили. Приступили к щам. Хлеб белый, душистый, мягкий, ныне в магазине такой не купишь – с разрыхлителем, улучшителем вкуса, через час после покупки крошится. И щи оказались очень вкусные, Никита большую миску умял, хотя вначале сомневался – осилит ли? Потом черёд пшенной каши с кусочками тыквы настал. Ели не спеша, обстоятельно. На Руси к еде относились всегда с почтением. Хлеб – он всему голова. Никита давно так плотно не ел. Утром и вечером бутерброды под чай, в обед в институтской столовой ел. А какая там еда? Суп пустой, куры синие своей смертью померли. А под конец в большие кружки Анастасия сыто налила, так назывался мёд, разбавленный водой или настоем трав. Духовитое сыто, сладкое. Понял Никита, откуда выражение пошло – наесться досыта, то есть полный обед съесть. За обедом молчали, а как встали из-за стола, хозяйку поблагодарили. Никита удивлён был. Вроде простая пища, без изысков, а вкусная и сытная. Антип вышел во двор, Никита за ним.

– Держи две деньги, московки, как уговаривались. Наперёд работы даю. Завтра с утра иди на торг, одежду себе подбери подобающую – рубаху, штаны, гашник. На ноги сапожки короткие, как у меня.

Никита усомнился, хватит ли денег? Уж больно неказисто выглядели и малы. Овальные, почти неправильной формы, с нечётким оттиском и лёгкие. Неубедительно смотрятся.

– А сейчас покажу твой угол. Раньше у меня там мастерская была. Печи нет, но тепло ноне, а к осени придумаем что-нибудь. Так что как барин спать будешь один на полатях.

Что такое полати, Никита не знал, оказалось – деревянная полка, прибитая к стене. Лавка, в отличие от полатей, на ножках, её передвигать можно. Народ спал и на лавках, и на полатях. Только богатые на западный манер кроватями обзавелись.

Комната в пристройке небольшая, три на два метра. Стол, табуретка, полати, в углу сундук. Оконце маленькое, в две ладони, вместо стекла слюда вставлена. Свет пропускает, а не видно ничего, все предметы расплывчатые.

– Почивай, не буду мешать.

Антип удалился. Никита на матрац улёгся. Жестковато, но спать можно. Стал вспоминать всё, что касалось алхимии.

Местом зарождения алхимии считается Александрия в Египте. После подавления римлянами в 296 году восстания при императоре Диоклетиане, центром становится Арабский Восток. Джабир ибн Хайян ввёл представление о философском камне, который может изменять соотношение серы и ртути в любом металле, превратив его в золото. Затем учение алхимиков проникает в Европу. В эпоху бесконечных войн, беспокойного мира только монастыри оставались спокойным местом, где можно было заняться наукой. Великий алхимик, доминиканец Альберт Великий в XII веке оставил труды по неорганической химии, значительно опередившие своё время. Его любимым учеником, продолжившим дело учителя, был Фома Аквинский. Арнольдо де Вилланова в XIII веке был не только алхимиком, но и врачом, объездил всю Европу, утверждал, что создал философский камень и с его помощью превращал свинец в золото. Раймонд Луллий, величайший из алхимиков, юность которого прошла в любовных похождениях, впоследствии стал монахом-францисканцем. Изучил арабский язык, чтобы читать фолианты алхимиков Востока. По преданиям, Луллий по просьбе короля Эдуарда трансформировал свинец в золото на шесть миллионов фунтов. Кроме того, смог получить эликсир бессмертия.

Центром алхимии постепенно становилась Франция, но в XIV веке папа римский Иоганн XXII запретил алхимию в Италии, положив начало «охоте на ведьм». Некоторые короли – Генрих VI, Карл VII, Рудольф II, Август Саксонский – содержали придворных алхимиков. Золото всегда было необходимо правителям, в первую очередь на войны и содержание двора. Ещё Наполеон Бонапарт

говорил, что для успешного ведения войны нужны три условия – деньги, деньги и ещё раз деньги! Траты у королей были огромные, и все желали серебра и золота. В 1661 году Роберт Бойль опубликовал книгу «Химик-скептик», где убедительно развенчал учение о превращении металлов. Постепенно алхимики перевелись.

Русь двигалась по своим законам. При дворе Иоанна IV был иностранец Элизеус Бомелиус, врач и алхимик, которого называли «волхвом зело лютым». Он готовил для царя яды, от которых жертвы умирали в означенную минуту. Но золото он так и не смог получить, был обвинён в измене и заживо сожжён на костре в 1580 году. Также при Иване IV служил алхимик Игнацио Даси, который разработал и ввёл передовые методы извлечения серебра из руды, вдвое повышавшие отдачу. Были и свои алхимики, исконно русские. Алхимией занимались монахи-старообрядцы Выговской пустыни, у Онежского озера. Покровительствовал им основатель пустыни – Андрей Денисов. Староверов привлекала не столько возможность получения золота, сколь наука каббалистическая, сокровенные тайны, скрытые в знаках. Андрей Денисов, знавший языки, первым перевёл труды Раймонда Луллия на русский. Были и одиночки – алхимики, большей частью работавшие тайно.

Никита к золоту относился равнодушно. За всю историю человечества во всём мире была добыта 161 тысяча тонн этого металла. Инки и ацтеки приписывали ему небесное происхождение. Солнечный металл не ржавел и не гнил, олицетворяя мечту о вечности. Поэтому любим был египетскими фараонами. Желанный и бесполезный одновременно. Из него нельзя строить, делать инструменты. Но как мерило товара в виде монет или ювелирных изделий он существует тысячи лет.

Незаметно уснул, а разбудил его Антип.

– Ты что же спишь? Торг проспишь!

Никита вскочил. Через открытую дверь вливался утренний прохладный воздух, солнечный свет. Он спросил, где умыться можно.

– Рядом с колодцем рукомойник на заднем дворе.

Никита умылся. Не хватало зубной щётки и пасты, но пока придётся обходиться без них.

– Где торг?

– Со двора налево по улице. Там увидишь, куда народ идёт.

Про завтрак Никита постеснялся спросить. Вышел на улицу, нащупал в кармане две деньги. Монеты маленькие, лёгкие. Не знал он тогда, что монеты чеканились в Твери, Москве и Пскове. Московка, так называли монеты московской чеканки, весила 0,34 грамма, копейка – 0,68 грамма, а полушка 0,17 – грамма.

Народу на улице прибавлялось и почти все шли в одну сторону. А как иначе, если торг – это и продукты, и вещи, и оружие, всё, что можно купить за деньги. А ещё это новости городские, московские. Где ещё узнать, что царь налоги снизил или поднялась цена на соль? За ценами на два продукта следили внимательно. За хлебом и солью. Зерно, которое завозилось по реке, – это хлеб. Будет хлеб на столе, не будет голода. А без соли не засолишь рыбу, сало, огурцы, не заквасишь капусту. Почти единственный консерватор. Всем ещё памятны Соляные бунты.

Свернул вслед за народом в переулок, а впереди людское море, шумит почти как морской прибой. А где одежду брать? Только обойти торг, день нужен. Пошёл по рядам. На него косились и продавцы, и покупатели, но ни один худого слова не сказал. Зато он на мужчин поглядывал – какие рубахи, штаны, обувь. Подсказали ему, где одежду продают. Продавцы покупателя зазывают, кричат так, что в ушах звенит.

– Шёлк из Синда, покупай, налетай, дешевле не купишь!

– А вот платки пуховые, лучший подарок для супружницы али зазнобушки!

– Сапоги, сапоги! Кожа свиная или бычья, на выбор. Век носить будешь, сноса нет.

– А вот кому сбитень горячий, всего полушка кружка! – Это уже сбитенщики между рядами ходят.

Никита по рядам пошёл, товар разглядывал. Решил не торопиться. Сперва рубаху приглядел синюю. Примерил – немного широковата. А продавец ему.

– Все так носят, опоясаешься поясом, в самый раз будет! Купил, сдачу с деньги получил – полушку. К рубахе пояс пришлось кожаный покупать в соседней лавке. Со штанами разобраться не мог. Как не возьмёт в руки, так ширина необъятная, как на толстяков. Продавец подсказал.

– Гашником утянешься. Вон как у меня.

Продавец рубаху задрал. Оказывается, штаны на верёвочке держатся, гашником зовётся. И штаны Никита купил. Сапоги ещё надо. В обувном ряду сапоги на выбор – короткие и длинные, с каблуком и без. С мягкой подошвой, как ичиги татарские, и на толстой. И все на одну ногу, хоть на правую одень, хоть на левую. Необычно, странно. Присмотрел короткие, в руки взял, помял. Кожа хорошей выделки, мягкая.

– Надень! Нога радоваться будет! Дратва вощёная, протекать не будут, – тут же стал уговаривать купить продавец.

Примерил, прошёлся вдоль прилавка, удобно. Купил, истратив последние деньги. Антип точно подгадал, знал цены на торгу. С покупками в дом Антипа вернулся, переоделся. В зеркало бы посмотреть, да нет его. И в доме Антипа не видел. Рукой по лицу провёл – щетина отросла, под пальцами трещит. Решил не бриться, пусть борода отрастает, как у всех местных, меньше выделяться будет. Антип заглянул.

– О! Любо-дорого посмотреть. На мужа достойного похож, а не на иноземца. Завтракать пора.

Однако поздний завтрак в доме. Часов десять-одиннадцать уже. В желудке уже сосало, он привык есть рано и бежать на работу. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Завтрак, по времени почти полдник, был сытным. Каша, вареная рыба, репа пареная и сыто.

После завтрака Антип сказал.

– Ну что, пора и нам трудиться.

Спустились в подвал. Антип на кожаный фартук указал.

– Одень, не то всю одежду испортишь.

Фартук служил Антипу долго, весь в пятнах от кислот и щелочей, местами в прожогах.

– Бери породу в углу в ящике, совок – два, да в ведро, разведи водой.

Никита выполнил в точности.

– Теперь мешай исправно, дай отстояться и откинь через сито.

И это Никита выполнил.

– Что на сите осталось – переложи в глиняную чашу и поставь на огонь.

В углу подвала была печь, наподобие кузнечного горна, только маленькая.

– Теперь качай меха, только медленно.

Меха приводились ногой. Наступаешь на доску, под весом тела она вниз идёт, верёвку тянет, что к мехам привязана. Те воздух на угли подают. Огонь жарко горит, до белого пламени. Под таким железо плавится у кузнеца. Никите интересно, старается ни одного движения Антипа не пропустить. Как хозяин определил, что чашу с огня пора снимать, неизвестно, но Антип приказал.

– Бери щипцы, одевай рукавицы. Снимай чашу и сюда вываливай.

В подвале чадно, запахи неприятные, горелых химикатов, окалины. Никита всё исполнил.

– А теперь подождём, пока остынет.

Уселись оба на лавку, потные. Через время, около получаса прошло, Антип чашу перевернул на поднос, пальцами всё прощупал, достал несколько маленьких серебристых комочков.

– Знаешь, что это такое?

По виду не опознать металл. Судя по температуре выплавки и тому, что обрабатывали породу, это могло быть серебро или сурьма.

– Серебро? – предположил Никита.

– Вот же сразу видно человека учёного! Угадал.

Это была вовсе не алхимия в чистом виде. Из породы выплавили несколько граммов серебра. Достойно уважения, но где философский камень, золото?

– Антип, зачем тебе серебро?

– Огорчаешь ты меня. Зачем человеку серебро? Впрочем, тебе пока знать рано. Пусть полежит.

Несколько кусочков, на взгляд Никиты, граммов пять, не больше, Антип уложил в маленький кожаный мешочек, затянул горловину, повесил на шею на длинном кожаном ремешке.

– Поближе сховаешь, побыстрее найдёшь!

Никита сделал вывод, что Антип ему пока не доверяет. Впрочем, на его месте он поступил бы так же. Суток не знакомы, не проверен в деле Никита. Вдруг тать? По здравом рассуждении, Антип взял его не столько за учёность, а за отсутствие знакомых и родни в городе. Некому будет сообщить о секретах подвала. А в том, что секреты есть, Никита уже не сомневался. Похоже, выплавка серебра – лишь верхушка айсберга. Интересно Никите стало. Неужели этот самоучка чего-то достиг? Никита институт закончил, с современными достижениями химии знаком, знает, что трансмутация металлов невозможна. Но сколько изобретений и открытий человечества похоронено втуне в отвалах истории? И всё ли мы знаем о наших предках? Тем более что алхимики – народ скрытный, работы

втайне ведут. Благодаря им многие открытия сделаны, как побочные продукты исследований.

Антип посмотрел в оконце под потолком.

– Однако на сегодня хватит. Моем руки и обедать, заслужили сегодня.

А не фальшивомонетчик ли Антип? Серебро – металл лёгкий и пластичный. Долго ли изготовить нехитрые приспособления да ковать монеты? Всего и нужно, что обратные, зеркальные оттиски на твёрдом металле, к примеру стали. А затем клади кусочек серебра и бей молотом. Выйдет новенькая монета. Учитывая качество деньги московской, скверное, скажем прямо, занятие не сложное. Насколько помнил из истории Никита, фальшивомонетчиков во все времена и во всех странах наказывали в случае поимки жёстко – сажали на кол, отрубали головы. Но и сами фальшивомонетчики виноваты. Вместо золота использовали сплавы медные, так называемое «самоварное золото». А чекань монеты Антип, серебро-то настоящее, от монет государственной чеканки не отличить.

Пообедали славно. На этот раз ухой наваристой, гречневой кашей с зайчатиной, пирожками с капустой, которые Антип и Анастасия называли пряженцами. После обеда Никита попросил Антипа о разговоре. Прошли в комнату Никиты, там хозяйка не слышит. Не стал разговаривать при супружнице Антип, стало быть, осторожен, это ему в плюс.

– Чего хотел? – по-хозяйски расположился на лавке Антип. Никита на полатях умостился.

– По серебру поговорить желаю. Давай начистоту. Фальшивые деньги чеканишь?

– Эка хватил! Не, без головы жить плохо, можно сказать, невозможно. Когда серебра много набирается, отливаю слиток, отдаю златокузнецам, что украшения делают. А они мне настоящие московки али копейки.

– Уже лучше.

– А ты бы в Разбойный приказ побежал? – прищурился Антип.

– Ни в коем случае. Руку, которая кормит, не кусают.

– Хм, верно.

– Предложение сделать хочу.

– Говори! – навострил уши Антип.

– Можно повысить выход серебра из породы и даже попробовать добыть золото.

– Шутишь?

– Ртуть или киноварь есть?

– Найду. У иконописцев в монастыре куплю.

– Тогда и попробуем.

– Хм, занятно. Я сам голову ломал, а похоже, тебя сам Господь послал, дошли до него мои молитвы.

– Насколько я знаю, Всевышний к молитвам об обогащении глух.

– Мил-человек! Я, конечно, сидеть за столом с коркой хлеба и кружкой воды не хочу. Но не о богатстве мечтаю. Если золото смогу получить, стало быть, к философскому камню близко подойду.

– Зачем он тебе?

– Больно шустёр ты. Едва знакомы, а всё тебе поведай. Я на исповеди у батюшки всю душу не открываю, только о грехах глаголю.

– Опасаешься?

– Не любят у нас на Руси алхимиков. Думают, волхвы али чернокнижники. А я и близко к ним не стоял.

– Не в обиду сказано – тёмен ты для меня, Антип.

– Как и ты. Появился ниоткуда в запертом подвале в одежде иноземной, да умён и учён. В Твери таких нет. Я, грешным делом, поперва прибить тебя хотел. Сам знаешь, сера у меня в подвале есть. Вдруг порождение дьявола? Но я же в душу к тебе не лезу и тебе не советую.

– Ну вот и определились.

– Ладно, спать-почивать пора. Я с утра в монастырь, дверь в подвал отопру, а ты приготовь, что надобно.

– Сделаю.

Антип ушёл, Никита задумался. Весь ли процесс он помнит? Вроде дело не хитрое, но упустишь мелочь и не получится ничего, только осрамишься. Спалось хорошо, спокойно. Заброшен во времени, оказалось, в конец XVI века, но есть крыша над головой, еда и даже новая одежда, стало быть, можно жить.

С утра в подвал спустился, лучиной дрова в печи разжёг, потом угля подкинул. Два ведра породы водой залил. Теперь остаётся ждать, когда Антип киноварь принесёт. На Руси ртуть встречается чаще всего в месторождениях именно в виде киновари, материале красного цвета. Если его истолочь да маслом развести, то получается натуральная краска, которую художники и монахи используют для написания картин или икон. А если киноварь нагреть, она разлагается с образованием ртути и выделением водорода. Водород взрывоопасен, если рядом открытое пламя есть, а пары ртути ядовиты. Конечно, не так, как мышьяк, который на Руси знатные господа применяли для отравлений, причём не менее часто, чем в Европе. Сколько князей, царских жён умерли в полном расцвете сил и внезапно?

Чтобы время в ожидании прошло быстрее, Никита стал обследовать подвал. Каменный, с толстенными стенами, он служил фундаментом для деревянной избы, был обширен. Все углы исследовал, в оба сундука забрался, изучил хранящиеся там в склянках и горшках химикаты. Запаслив Антип! И где только берёт? Кислоты в Европе делают, на Руси ещё не освоили, стало быть – заказывает купцам, которые в чужие земли вояжи совершают.

Случайно на камни стены опёрся. Раздался щелчок, часть камней в виде дверцы выдвинулась вперёд. От неожиданности Никита в сторону отскочил. Из образовавшейся щели потянуло током воздуха. Стало быть, рассуждая логически, есть другой выход. Любопытство разбирало. Никита снял с держателя на стене факел, потянул дверцу на себя. Открылся невысокий, метра полтора, ход. Никита факел в проём сунул. От силы видно метров на пять-семь. Ход далеко уходил, тяга воздуха сильная, пламя факела отклонялось в сторону хода. Не прост Антип! Запасной выход приготовил. Никита дверь прикрыл, щёлкнул замок. Стена выглядела цельной, никаких щелей, указывавших на ход, не было. Строители потрудились на славу. Никита факел на место вернул, а с лестницы уже шаги Антипа слышны. Как вовремя Никита дверцу тайную прикрыл! Иначе Антип мог подумать, что Никита специально всё обнюхивал, выведывал.

Антип прижимал к груди объёмистый свёрток, лицо довольное. А глаза его сразу к левому от входа углу подвала метнулись. Никита это заметил. Странно. Дверца к потайному ходу была в правом дальнем углу. Стало быть, есть ещё нечто интересное, что Антип скрывает. Непоняток Никита не любил. Надо будет угол этот досконально изучить, когда он останется в одиночестве, как сегодня.

Киноварь была большим куском. Её рубили молотком, мелкие куски в глиняную чашу поместили и на огонь. Обожжённая глина или керамика выдерживала большую температуру, но боялась ударов или резких перепадов температуры, трескалась.

Киноварь медленно плавиться начала, на поверхности коричнево-красной массы периодически вспыхивали огоньки, это горел водород. Никита мехами воздуха в горн поддал. Киноварь цвет начала менять, запузырилась.

– Хватит! – Никита вытащил чашу щипцами из горнила.

Слил осторожно те примеси, что сверху были. Заблестел жидкий металл.

– Ртуть! – изрёк Никита.

– Знакомое дело. Ко мне иной раз подходят те, кто колодцами занимается.

– Не понял, поясни.

– А вот пересыхает колодец, воду не накапливает. Можно глубже рыть или новый рядом копать. Но есть способ проще. В колодец льют ртуть, она находит дорогу к водоносным слоям. Седмицу подождать, и снова в колодце вода.

– Не знал.

– Выходит, и учёные люди не всё знают.

– Всё знать невозможно, даже если ты в своём деле мастак.

Антип за действиями Никиты наблюдал внимательно, не отвлекался. Никита в большой котёл породу с водой в виде жидкой грязи вывалил, потом ртути добавил и на огонь поставил. Котёл нагрелся, пар повалил. Через полчаса содержимое котла сухим стало, даже дымок пошёл. Это выгорали органические соединения.

– Пожалуй, хватит, – решил Никита.

Снял котёл с треноги в горне, отставил.

– Антип, ложку дай и чашку.

Ложкой медной сухую породу убрал, кидал на пол. Под породой ртуть блестит, с розовым отливом. Снова котёл на огонь поставил. Три раза его снимал, осторожно ртуть в чашу сливал. Золото и серебро имеют относительно ртути высокую температуру плавления. Вначале ртуть при нагреве соединяется с крупицами золота и серебра, покидая породу. А потом драгоценные металлы надо от ртути отделить.

Когда Никита закончил, на дне котла остался небольшой, неправильной формы комочек.

– Это что? – прошептал Антип.

От волнения у него перехватило горло.

– Электрон. Сплав серебра и золота. Ещё древние римляне и византийцы о сём сплаве знали, делали из него монеты.

– Ты в Византии был? – изумился Антип.

– Окстись! Византия два века как пала. Константинополь под османами.

Сплав ртути и золота с серебром называется амальгамой, в хорошей золота ровно половина. В домашних условиях разогретую амальгаму можно продавить через замшу. Ртуть продавится, на замше останется золото. Однако резиновых перчаток нет. Да и амальгамы нет, остаётся электрон. Никита знал точно, что серебро имеет температуру плавления на сто градусов ниже – 960 по Цельсию, а золото – 1064. Если нагревать, то так, чтобы серебро из электрона выплавилось. Без градусника электронного или дистанционного плохо. Но Никита в лаборатории зачастую температуру по цвету пламени определял, чай русский человек. И сейчас чашку с электроном в горнило поставил, к Антипу повернулся.

– Гляди внимательно. Нужное нам пламя синеватое, с жёлтыми языками.

– А зачем?

– Серебро раньше поплавится, его и сольём. Чашку приготовь.

На время добычи и выплавки драгоценных металлов хозяин и подмастерье поменялись местами. Антип смотрел, запоминал, выполнял все указания Никиты. В подвале были кусочки закопченного стекла. Никита взял один осколок, через него посмотрел в чашку. Металл уже плавился. Щипцами чашку взял, осторожно серебро в чашу слил. И так повторил трижды, пока золото не засверкало солнечными оттенками.

– Всё! – выдохнул Никита.

– Дай посмотреть! – заторопился Антип.

– Погоди, остынет, в руках подержишь! – Серебра вышло из породы вдвое больше, чем вчера, золота – с ноготь среднего пальца. Но это было начало, первая проба. Антип ухватился за ещё тёплый комочек, подкинул на ладони.

– По весу, как четыре-пять копеек будет.

А как копейка выглядит и сколько весит, Никита не знал. Тоже приблизительный вес прикинул – грамма три-четыре. Попробовал на зуб прикусить. На золотом комочке след остался. Это очень хорошо, мало примесей меди. Уж точно не 585-я проба, выше. Но он не ювелир, приборов не имеет.

Ошалевший от вида полученного золота Антип уселся в углу на лавку. Золото в сжатой кисти держал, глаза прикрыл. Явно оценивал возможности производства.

– Антип, ты не уснул? – спросил Никита.

– Счастлив я, не мешай. Сколько лет кислотой дышал, опыты ставил, а золото получить не мог. А тут появляешься ты и показываешь. Оказывается, просто.

– Просто для тех, кто знает. Пошли отсюда.

– Как пошли?

– Есть охота, не завтракали ещё, а уже и обеду быть пора. К тому же ртутные пары для здоровья плохо.

– Э, ерунда. Небольшой горн на заднем дворе поставить можно, все пары ветром унесёт. День сегодня у меня особенный, отметить надобно.

Поднялись из подвала, умылись у колодца и в избу.

– Заждалась я вас. Работнички! Обед давно готов, садитесь за стол, – встретила их супружница Антипа.

Антип не удержался, протянул ладонь с кусочком золота жене.

– Зри и любуйся!

– Это что?

– Эх, бабы! Золото это! Никиту благодарить надо, научил! Поставь-ка нам ради такого случая пиво или мёда стоялого, хмельного.

Как можно мужу перечить? Не по домострою. Да убоится жена мужа своего. Не в смысле страха писано, а подчиняться супруга мужу должна, он голова в доме.

– Откуда пиво? Ты его варил?

Хозяйка выставила кувшин сидра, местного яблочного вина. Выпили по кружке за успех, потом поели. Для Никиты распорядок непривычный. Утром надо завтракать. А сейчас получалось, и завтрак, и обед, и ужин вместе. После еды приняли ещё по кружке вина. Слабенькое, сладкое, оно пилось легко.

– Спать пора, – объявил Антип.

Как наступали сумерки, жизнь прекращалась во всём городе. По улицам ходили сторожа с трещотками, на перекрёстках стояли заставы из городской стражи как защита от татей. Но и просыпался город рано, с первыми лучами солнца.

– Никита, я снова в монастырь за киноварью, а ты в подвал.

– Надеюсь, ты отправишься в другой монастырь?

– Это почему ещё?

– Только вчера брал, по местным меркам много. Могут вопросы возникнуть – зачем? Что ответишь?

Антип в затылке почесал.

– Верно, пойду в Николаевский мужской монастырь. Немного дальше, но я там не был.

– Приготовь разумное объяснение, если спросят.

– Кому оно надо? Плати деньги и забирай.

Ох, беспечен Антип! Как бы боком не вышло. Среди монахов умных людей много, особенно среди настоятелей.

Антип ушёл, Никита в подвал спустился, запалил факелы, горн разжёг. Пока угли разгорались, он стал исследовать левый угол подвала. Не зря туда Антип смотрел, проверял – всё ли в порядке?

Никита каждый камень ощупал, даже простучал. И ничего подозрительного. Потом нажимать стал. Причём начал с верхних рядов. На четвёртом по порядку ряде щелчок. Но откинулась не дверца, а один камень. Никита факел поднёс. За камнем углубление в локоть, полотняные мешочки лежат. Никита вытащил один, горловину развязал. Блеснули серебряные монеты. На руке взвесил – килограмма полтора будет. Это сколько же в деньгах? Такой мешок час, а то и полтора пересчитывать надо. Пощупал другие мешочки. В трёх монеты, прощупывались хорошо. А в четвёртом склянка. Вытащил мешочек, склянку достал, притёртую пробку убрал, понюхал осторожно. Лёгкий приятный запах, не химии, скорее каких-то трав. От запаха слегка закружилась голова. Никита пробку на место вернул, склянку в мешочек. По памяти мешочки на место вернул. Тот, что со склянкой – поглубже, с деньгами поближе. У Антипа здесь нечто вроде тайника, сейфа. А и пусть хранит. Никита никогда чужого не брал, считал – непорядочно и постыдно. Но склянка его заинтересовала. Была бы какая-то кислота, Антип в тайнике её не прятал. Стало быть – секрет. А секретов в химии Никита не принимал.

Антип вернулся удрученный, вздохнул.

– Небольшой кусок киновари в монастыре купил. Иконописцы говорят, у самих мало осталось. И на торгу нет, заходил.

Киноварь добывали в рудниках Османской империи, Египте, на Балканах. На Руси залежей этого минерала полно, но все на Урале, и месторождения ещё не открыты. Ещё под посёлком Никитовка киноварь была, на нынешней Украине, под Горловкой.

– Хоть немного, да принёс, да ещё чуть вчерашней осталось, на одну плавку хватит.

Пока разогревался горн и мокла порода, отправились завтракать, потом снова в подвал. В перерыве между работой Никита спросил:

– А откуда породу берёшь?

Антип глянул хитро, промолчал, сделал вид, что не услышал. Опять секрет. Никита вопрос не повторил, настойчивое любопытство насторожит Антипа. Не засланный ли казачок?

К позднему обеду снова получили несколько граммов серебра и золота. Антип золото подбросил на ладони.

– Как говорится, мал золотник, да дорог.

И убрал в кожаный мешочек на груди. Присели на лавку дух перевести. Никита и спроси.

– Вот ты алхимиком назвался. А успехи есть? Ведь то, что мы делаем, не алхимия вовсе. Злато-серебро получили? Так из породы, не философским камнем.

– А с помощью меркурия! – Поднял палец Антип.

Каждый металл, использовавшийся в алхимии, имел свой знак и название. Ртуть называлась меркурием.

– По сути, ты перерабатываешь породу, такой же ремесленник, как кожевенник, купец, плотник.

– Я уже десять годков бьюсь! – Выпятил грудь вперёд Антип. – И кое-чего достиг!

Видимо, задело за живое сравнение с кузнецами и прочим мастеровым людом.

– Тогда покажи, – уцепился Никита.

Вдруг, чем чёрт не шутит, когда Бог спит, Антип действительно сделал изобретение важное? Сколько было таких самоучек, не поддержанных

государством, опередивших время, открытия которых канули в Лету и были заново открыты через года и века?

Антип рот открыл, чтобы похвастать, да спохватился. Никиту он знает мало, вдруг конкурент? А хуже того – через Разбойный приказ до царя донесёт о волхвовании тайном и злобном. Хоть и нет инквизиции в прямом смысле слова в государстве Московском, а жгли людишек на кострах, рубили головы, сажали на кол и при меньших провинностях.

– Опосля покажу, а сейчас обедать пора, – отвертелся Антип.

Помылись у колодца, пообедали. Антип сказал:

– Дрова наколоть надо, а завтра с утра воду из колодца в баню наносить. Али забыл, что суббота? В воскресенье в храм идти чистыми на заутреню надобно.

Конечно, забыл. Никита число не помнил и день недели. Часы «Победа» старенькие в комнате, под подушкой, лежали.

– Как скажешь.

– Бельё чистое есть?

– Откуда ему быть, если ты денег в обрез только на одежду дал?

– Моё упущение! – кивнул Антип.

Из-за гашника мошну достал, выудил полушку.

– На порты и нижнюю рубашку хватит.

– Ой ли?

Антип добавил ещё полушку. Скуповат мужик на деньги. Никита помог за два дня граммов десять серебра добыть и граммов шесть золота. Уж всю одежонку и харч окупил, да раз десять, как не больше. С утра Никита на торг отправился,

бельё купил, по рядам прошёл, просто так, для интереса. Уже на самом краю торга увидел то ли купца из небогатых, то ли корабельщика. Рядом мешки стоят.

– Чего продаёте?

– Ты скажи, что надобно. Мой товар редкий.

– Про киноварь слышал?

Мужик в широченных шароварах, как у казака, но без чупруна на голове, молча мешок развязал.

– Любуйся!

Никита заглянул. Киноварь, причём высокого качества, не коричневая, а красная.

– Сколько у тебя?

– Всё, что в мешках, в каждом по два пуда.

– Мой хозяин возьмёт всё, если цену не заломишь.

– Тогда зови.

Никита побежал к избе Антипа. Вроде не мальчик, чтобы бегать, но дело того стоило. Антип, как узнал, затрясся.

– Возьму, возьму. Погодь маленько, покажешь торговца.

А сам в подвал. Никита сразу догадался – за деньгами. Потом оба к торгу поспешили. Торговец на месте был. Антип торговался отчаянно, цену сбил, поскольку сразу оптом брал. По рукам ударили, Антип монеты отсчитал.

– Ты постой здесь, за товаром посмотри, я скоро.

Вернулся Антип с биндюжником. Так звали владельцев лошадей с грузовыми телегами. Груз ли подвезти, брёвна из леса – только нанимай да деньги плати. Мешки на телегу забросили, Антип и Никита сами уселись. По приезде стали мешки в подвал сносить. Антип чёрной работы не гнушался, мешки на горб взваливал наравне с Никитой.

Обмылись от пыли, завтракать уселись, время. А уж после Никита стал чурбаки колуном колоть, в баню сносить. Затем из колодца воду бадьями носил. Два больших котла в бане, для холодной и горячей воды. Для подогрева печь с дымоходом. В котле, по прикидкам Никиты, верных двести литров, как не более.

Вода согрелась, запузырилась. Никита Антипу доложил.

– Идём не медля. А ты за избой пригляди.

Антип с женой в баню направились. Мылись долго. Потом очередь Никиты настала. Повертел он головой в мыльне. Мыло-то где? В бадейке мутный серый раствор обнаружил, ковшик рядом. Пальцы окунул – мылятся. Не так, как мыло, но всё же. Потом узнал – щёлоком называется. Дровяную золу водой заливают, через неделю своего рода жидкое мыло готово. Ничего в этом мире не ново. Развёл горячую воду в шайке – деревянном, широком и низком подобии таза, обмылся. Повторил ещё раз, но уже с мочалом – драным лыком дерева. Человеком себя почувствовал. От работы у горна тело мгновенно пылью покрывается, а от жары потом. С него грязные потоки текли при первой обмывке. Хозяйка в предбаннике чистое полотенце приготовила. Обтёрся, новое бельишко надел. Хорошо-то как! Кожа чистая, дышит, под пальцами скрипит. Раньше у себя в квартире под душем мылся ежедневно, а такого удовольствия не получал. Вышел из бани, немного остыв, а с крыльца Антип рукой машет.

– Зайди, квасу попьём, побеседуем неспешно.

В самый раз! Выйдя из бани, Никита мечтал о кружке холодного кваса или пива. В избу поднялся, за столом Антип уже ждёт, по кружкам квас из горшка разливает. И чудо! Квас холодный, на стенках запотевшие капли появились.

– Откуда холод? – удивился Никита.

– Так с ледника квас. Иначе не сохранить. По зиме с Волги или с Тьмаки, либо с Тверцы лёд колем, на санях в ледник под амбаром свозим. Опилками его присыпать – до следующей зимы лежит!

Вона как! Холодильник, причём большой, без всякого электричества, фреона и компрессора. А ещё считали древних людей дурными, неграмотными, забитыми. Телефонов нет, но без них жизнь как-то спокойней.

Квасу хлебнул – вкусный, на языке послевкусие кисловатое, жажду утоляет куда лучше импортных напитков, от них пить только больше хочется.

Антипа на разговор потянуло. Но сразу к делу не приступил, считалось – невежливо. О погоде, о новостях с торга. Но чувствовал Никита, не просто языком потрепаться позвал Антип. И сидят вдвоём, для мужского разговора.

– Супружница к соседям ушла, – молвил хозяин. Как бы намекнул – посторонних ушей в избе нет. И к интересующему его вопросу перешёл.

– Вот скажи, мил-человек, ты человек учёный. Я к сорока годам кое-что узнал. Да знания трудно дались. А ты моложе меня, а многое знаешь. Откуда?

– В чужих землях бывал, обучался, – уклончиво ответил Никита.

– С алхимиками встречался?

– Было.

– Хоть кто-нибудь успеха из них достиг?

– Разговоров много. А чтобы кто-то философский камень показал или в деле при видаках, того не было.

– А как же Луллий? Читал я про него, опосля сам загорелся. Вроде аглицкому королю, имя не упомню, золота не один мешок из простого свинца сделал?

– Сам там не был, а разговоры – пустое сотрясение воздуха.

– Повезло мне с тобой. Учён, не горделив, от работы не отлыниваешь. Были у меня помощники, от кислот нос воротили, выгонял сразу. А ты за дело радеешь, сегодня с киноварью сам убедился.

– А как можно к делу без радения относиться?

Антип снова разлил квас по опустевшим кружкам.

– Скажу тебе, не хвастая. Но только никому! Поклянись на кресте или иконе!

Никита крест нательный к губам поднёс, поцеловал.

– Клянусь – никому ни полслова.

– Верю.

Глава 2

Разбой

Антип изрядно отпил из кружки. А Никита в слух обратился. Вроде Антип не пиво пил и не вино. Но Никита его понимал. Алхимия – дело тайное, уединённое. С кем-то успехами поделиться хочется, соседи – не поймут. А кроме того, со священником на исповеди поделятся, а тот анафеме предаст.

Антип выдохнул, всё же решился.

– Ты прав. Дело трудное, кропотливое. Философского камня не создал, золота не получил, если только немного, да и то благодаря тебе из породы, а не из свинца. Но мне есть чем гордиться. Эликсир я создал-таки!

Антип горделиво выпрямился, взор прямо-таки орлиный, победой сияет. Никита ушам поверить не мог, переспросил.

– Эликсир бессмертия?

– Тьфу ты! Нешто я Господу подобен?

У Никиты разочарование.

– А какой же?

– Молодость придаёт, вроде как время вспять обращает.

Тоже интересно.

– Проверял как-нибудь?

– На себе побоялся. А на старом псе пробовал. Он уже ходил едва, шерсть с сединой, зубы сточились. А стал по капле давать и сам поразился. Не ходить, а бегать стал, клыки вострые отросли, кости грызть стал, аж хруст стоит. Не поверишь – за суками течными бегать стал.

– И чем кончилось?

– Убёг как-то раз и не вернулся.

Ага, отдалённых результатов опыта Антип не видел. Опыт удачным назвать нельзя. Всё же пес один, да и опыт незавершён. Чтобы проверить, десятки, сотни опытов нужны. А ведь видел он в тайнике склянку, от которой голова слегка закружилась. Списал на утомление, спёртый, насыщенный химикатами воздух в подвале. И всё равно Антип молодец. Без серьёзного образования, своим умом дошёл.

– Ты чего молчишь? – прервал затянувшуюся паузу хозяин.

– Обдумываю услышанное. Сам додумался или помог кто?

– Сам, пожалуй, не осилил бы. Есть в записях Луллия указания, только скрытые, как тайные знаки.

Листал как-то, ещё в студенческие времена книгу Луллия в русском переводе Никита. Но то ли невнимательно, то ли перевод такой был. Вот, скажем, перевод сонетов Шекспира во многом обаянием своим переводчику обязан.

– Если смог тайные знаки счесть, то хвала тебе, почёт и уважение! – Никита произнёс серьёзно, без издёвки.

– Только ты один и знаешь теперь. Супружнице говорить опасаюсь. Баба она хорошая, хозяйственная. Но сам понимать должен, у них язык как помело.

– Исследовать хочу. Состав какой, действие.

– Время не пришло, эликсира мало, с кружку вот такую наберётся. Хоть и по капле в день расход, да надолго ли хватит?

– Книгу покажешь? Что за тайные знаки?

Антип испугался. И так наболтал много. А ну как, выведав секреты, Никита уйдёт, соперничать станет, а то и эликсир улучшит? Тогда что?

– Потом. Хорошо же сидим.

Ну, потом так потом. Никита его понимал. Поистине: язык мой – враг мой. Досадовал на себя. Во-первых, в свою бытность в Питере не изучал алхимию. Принял официальную установку, что алхимия – лженаука, заблуждение древних. Так при СССР генетика считалась продажной девкой империализма, лженаукой. А ныне генетика на высоте. Стало быть – ошибка у недальновидных коммунистических вождей вышла, а всему виной недостаток образованности и, как следствие, недальновидность, неспособность смотреть далеко вперёд. В партийные руководители выбивались люди горластые, тщеславные, главное, чтобы пролетарское чутьё было на классово чуждый элемент. Если по Ленину, что способна любая кухарка государством руководить, заблуждались.

И второй промах Никиты – любопытство его торопило, с вопросами к Антипу полез. А надо было молчать, поддакивать, восхищаться. Он же напролом полез, Антип насторожился, замолчал. Вот дурень-то! И сколько времени ещё пройдёт, пока Антип откровенничать начнёт? Кроме того, было ощущение, что здесь, в

конце XVI века, он человек временный. Каким-то, необъяснимым пока, образом забросило его сюда, против воли и желания. Но злой рок или счастливый случай так же могут вернуть его в своё время. Может, ошибочка вышла, а вполне вероятно другое, не в другое время его забросило, а переместило в параллельный мир. Кто сейчас способен ответить на этот вопрос? А только чувствовал себя Никита периодически подопытным кроликом. Как учёному, ему интересно было. Такие случаи науке неизвестны, хотя не факт, что не происходили. Зачастую на уровне государственной власти принимаются решения – засекретить, как в Америке появление инопланетян на аэродроме. Кое-что через десятилетия просачиваться начало, но кто посвящён в истину? Единицы! А загадочные огромные рисунки на плато Небраска? Кто смог их сделать? Много загадок в истории человечества и нелепая случайность с Никитой – одна из них.

Поэтому, после размышления, Никита решил поменять отношения с Антипом. С расспросами не лезть, это учёный в нём говорит. А побольше показного уважения, лести. Против лести мало кто устоять мог, ни фараоны египетские, при которых фактически правили жрецы, ни римские императоры, ни коммунистические правители. Не надо изобретать велосипед, всё уже изобретено до него. Только тоньше, деликатнее делать. А что поделать, если склад характера прямой? Никогда угодником, хитрецом, лизоблюдом не был, учёное звание своими исследованиями заслужил. Хотя были предложения от начальства в соавторы взять, причём Никита на вторых ролях оказывался. Зато исследования без препон любые экспертизы прошли, изобретателям почёт и премии. Отказался Никита, а были и поддавшиеся. Уже доктора наук, вверх по карьерной лестнице поднялись. Но не завидовал он им. Настоящие учёные подоплёку событий знали, нуворишей от науки презирали.

В общем, получился хороший день. И киноварь в большом объёме купили, и помылись, да и кое-что новое для себя Никита узнал. Что занятного для него было – неспешный ритм жизни. Не торопились люди, но всё успевали, не прожигали часы и дни жизни за бесцельным времяпрепровождением за гаджетами.

Следующим днём, после того как привели себя в порядок, отправились в церковь, на заутреню. Народ к храму и монастырям валом валил. Не на торг, а помолиться. Антип направился к храму Бориса и Глеба.

– Мои родители сюда ходили, и я хожу. Десятину с доходов отдаю исправно. Как без веры? Никак не можно, все под Ним ходим!

Антип ткнул пальцем в небо. Храм небольшой, по современным меркам, а народу собралось на богослужение много. Тесно, душно, ладаном пахнет. На стенах – иконы. Никита разглядывал их с интересом. Видно, что древние, намолены. Некоторые на деревянных потрескавшихся досках, а краски не потускнели, слегка пожелтели от копоти свечей.

Священник молитву счёл, прихожане повторили. Никита только губами шевелил и крестился. Неудобно стало. Русский, православный, а молитв, кроме «Отче наш», не знает. После службы целая очередь выстроилась пожертвования делать. И Антип щедро монеты серебряные высыпал в чашу, стоявший рядом дьячок кивнул удовлетворённо. У Никиты же дать нечего, ни одной полушки нет, не говоря о деньге.

После службы домой отправились. Супружница хозяина завтрак собирать стала. Никита и спроси.

– А почему завтрак поздно?

– Да кто же на службу с сытым брюхом идёт? – изумился Антип. – Помыслы твои и молитвы чистыми быть должны, иначе до Вседержителя не дойдут. Глаголешь, как вьюнош, хотя и учён.

Опять ни в цвет попал. Уселись за стол. Пища постная, ни мяса, ни рыбы. Зато к работе не приступали, воскресенье – выходной день. Никита, испросив разрешения, отправился город смотреть. Шёл не спеша, всё вокруг рассматривал внимательно. Когда ещё представится такая возможность? До наших дней дойдут только несколько каменных строений, в основном церкви и монастыри. Сам город, состоящий из деревянных строений, будет неоднократно уничтожен пожарами, отстраиваться. Свою лепту в разрушения внесли многочисленные войны, революция. После Великой Отечественной город фактически заново отстроили. Исконно устоявшиеся названия районов города остались – Затверечье, Затмачье, а вот про посады уже забыли – Загородский, Заволжский, Затьмацкий, Затверецкий. А многочисленные деревни вокруг города – Андреевское, Бабачёво, Борихино, Бортниково, Киселёво канули в Лету, соединившись с городом.

Исторический центр, с кремлём, на правом берегу Волги. Вокруг Кремля обошёл, все трое ворот разглядел – Владимирские, Волжские и Тьмяцкие. Город на слиянии трёх рек стоит – Волги, Тверцы и Тьмаки, реки все полноводные, судоходные. Можно сказать, на перекрёстке водных дорог, в любую часть европейской Руси попасть можно. Для купечества раздолье. Не зря именно тверской купец Афанасий Никитин добрался отсюда до Индии, оставив записки.

А вот некоторые встречные жители, вернее жительницы, пугали. Да не разбойным видом, а своеобразным понятием красоты. Брови чернены сурьмой до непотребности, на все щёки румяна, а зубы чёрные. Не гнилые, красили их. Вид жутковатый. Не то клоун, не то маска для Хеллоуина.

Неспешно прошли три стрельца в кафтанах. Никита в первый раз видел служивых людей. Таращиться неудобно, а разглядеть хотелось. У многочисленных городских причалов кораблики – парусные, гребные. Корабельщики, несмотря на воскресенье, таскали мешки, катали бочки, носили тюки с товаром. Навигация в этих широтах недолгая. Встанет лёд, и тогда только санные обозы свяжут города. Надо успеть тверские товары вывезти, завезти из других краёв. Тверские кузнецы славились не меньше шведских, особенно крепкие замки. Льняные ткани вывозили, мёд и воск, пеньку – стратегический товар, из которого делали корабельные канаты и снасти. А ввозили пшеницу, которая в этих краях почти не давала урожая, соль из Сольвычегодска, ткани из Синда, Османской империи.

Обратно Никита возвращался другим путём. К своему удивлению, увидел татарский гостиный двор. Из ворот выезжал на коне татарин. Судя по тюбетейке и богато расшитому халату, украшенной сбруе коня, мурза. По-русски – князь. За ним свита. Настоящий передвижной музей, ведь ни одежды, ни мохнатые низкорослые лошади со времён татарского нашествия на Русь не изменились. После покорения Иваном Грозным Казани царь не сломал устои, не трогал веру магометанскую, не изменял порядки. Поставил в Казани наместника, освободил русских полоняников, обложил данью малой. Татарские мурзы, кто хотел, присягнули на верность русскому царю. Несогласные ушли в Крым, бывший под рукой султана османского. Но и Крымское ханство скоро разбито будет.

В избу Антипа вернулся к позднему обеду, полный впечатлениями. Кому из современников Никиты удастся своими глазами поглядеть, окунуться в жизнь средневековой, царской Руси?

Пообедали щами зелёными с крапивой, гречневой кашей, обильно сдобренной льняным маслом. Хлеб тёплый ещё, недавно из печи. Настолько вкусен, что Никита его один вместо обеда ел бы. Куда умение у современников ушло? А на запивку сыто. А уж после обеда вздремнуть – святое дело. Послеобеденный сон плавно перешёл в ночной. И привиделся ему сон, яркий, как наяву. Вроде стоит он с Антипом перед самим царём. Не видел он царскую особу никогда, но облачение золочёное, трон, царедворцы вокруг каждое слово повелителя ловят. А рядом с царём сам Борис Годунов, коим он его на старинной картине видел. На алхимика и подмастерье, то есть на Никиту, смотрят ласково, говорят что-то. А звуков не слышно. Проснулся Никита рано, за окошком темно ещё, с бьющимся сердцем. Что бы это могло быть? Вещий сон или судьба предупреждала? Раньше, в своём времени, сны видел, как и каждый человек. Но сны или о событиях с коллегами по работе, или фантазии – лето, море, отдых, женщины. Куда без них? А тут царь! В дрожь бросает, всё же персона значимая.

Государь Фёдор Иоаннович был слаб здоровьем, нуждался в опеке, да и молод. Умирая, царь Иван поручил его попечению пяти бояр, Пентархиуму. Князья Мстиславские и Шуйские, Богдан Бельский, Никита Романович Юрьев и Борис Годунов. Романов вследствие тяжёлой болезни в 1584 году отдалился от дел. Постепенно всю власть сосредоточил в своих руках потомок татарского мурзы Годунов, который ещё при Иване IV выдвинулся браком с Марией, дочерью Малюты Скуратова, заплечных дел мастера и начальника опричников.

Борис был умён, хитёр, ловок. Но притом в начале опеки действовал в интересах царя и государства, практически был правителем, серым кардиналом.

При восшествии на престол царь объявил милости – уменьшил налоги, возвратил свободу многим знатным людям, отсидевшим в темницах по десять, а то и по двадцать лет. Возвёл в боярское звание князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Шуйских, Николая Трубецкого, Шестунова, обоих Куракиных, Фёдора Шереметева, а также трёх Годуновых, братьев Ирины. Сам Борис получил знатный сан конюшего, титул ближнего боярина, наместника двух царств – Казанского и Астраханского. А кроме того, получил восемьсот тысяч серебряных рублей, богатство огромное. Мог вывести на поле бранное до ста тысяч воинов, которых содержал за свой счёт. Сила, с которой нельзя не считаться.

В царствование Фёдора Руси были возвращены уступленные Иваном IV Швеции Иван-город и Поморье. В южных степях появились Курск, Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки. На правом берегу Волги возникли Санчурск,

Саратов, Переволока, Царицын. На берегах Белого моря вырос из поселения город Архангельск. При нём значительно увеличился приём иностранцев на воинскую службу. В первую очередь для обучения «иноземному строю». А поскольку платили иноземцам неплохие деньги, от 18 до 60 серебряных рублей в год, да наделы и поместья с крепостными крестьянами, не стоило опасаться бунтов. Всё же полторы тысячи хорошо обученных наёмников – это сила.

Но род Рюриковичей оказался выморочным. В 1591 году в Угличе при странных обстоятельствах погибает от ножа младший брат царя Фёдора, царевич Дмитрий. У Фёдора детей не было, и древний род прервался. После смерти Фёдора, в феврале 1598 года, по предложению патриарха Иова дума избрала царём Бориса Годунова.

Но это будет немного позже. А сейчас, после хорошего отдыха, Никита умылся, съел стянутую со стола горбушку хлеба. Ну привык он есть с утра, привычка многолетняя, и до позднего завтрака у Антипа выдерживал с трудом. Тихонько в подвал по лестнице сошёл. Чего время зря тратить? Горн разжёг, дело не быстрое. Пока дрова хорошо разгорятся, пока уголь от них займётся. Породу положил в бадейке. Воду из колодца тоже принести надо, о водопроводе не слышал никто. Значительно позже, когда всё готово было, в подвал Антип спустился.

– А я тебя везде ищу. Благо дым от горна учуял. Грешным делом подумал, что сбежал.

– Зачем? Крыша над головой есть, харчи. От хорошего лучшего не ищут.

– Верно. Приступаем.

Оба фартуки надели, за дело принялись. Пока порода нагревалась, да потом амальгаму выпаривали, намаялись, вспотели. Уж больно дух тяжкий в подвале и жарко от горящего горна. Плавка оказалась удачней предыдущих, киноварь не только ртутью оказалась богата, но и златом-серебром.

С видом знатока Антип молвил.

– Деревня есть под поляками, называется Никитовка. Деревенские втихомолку копани делают, как норы, киноварь добывают кайлом и проезжающим купцам

продают. Похоже, оттуда.

С чувством исполненного долга завтракать пошли, а солнце почти в зените. Антип засобирался, в подвал полез. Никита было за ним, а хозяин остановил.

– Отдыхай.

И не в отдыхе дело, как понял Никита. Не хотел, чтобы подмастерье про тайник знал. Никита полагал, что Антип злато-серебро в мешочки сложит, а получилось наоборот. Антип из подвала вышел, подкидывая в руке мешочек, в котором побрякивало. Никита понял – серебро. Говорил же Антип, что у златокузнецов металл на монеты меняет. Ещё бы не быть Антипу довольным, одного золота не меньше золотника выплавили. В переводе на современные меры – больше четырёх граммов, точнее, 4,26. Конечно, точных весов в подвале не было. Да серебра два золотника.

Никита на ветерке уселся. Антип вернулся быстро, часа не прошло. К Никите подошёл, мешочком с монетами встряхнул.

– Слышь, как звенит?

И снова в подвал. Только дурак бы не догадался, что тайник там. Ох, беспечен хозяин! Как бы беду не навлёк! Как в воду смотрел Никита. Видимо, на торгу лихие людишки усмотрели серебро, не исключено, что златокузнецы «подсказали». Зависть, она во все времена существовала. Ювелиров понять можно. Ходит неизвестно кто, серебряные и золотые слитки, причём не самородные, на деньги меняет.

Спать улеглись. Антип с супружницей в избе, Никита в комнатушке в амбаре. После трудового дня в не самых комфортных условиях спалось хорошо. Только далеко за полночь шум услышал Никита, проснулся, насторожился. Не исключено – хозяин в отхожее место ходил. Но разговор тихий, мужской. В доме из мужчин один Антип, уже подозрительно. Антип двери в избу закрывал, от комаров, да чтобы тепло сохранить, но не запирал на засов. Никита поднялся, свою дверь приотворил, к щели приник. Две тени во дворе, на крыльцо взошли. Явно с недобрыми целями, в гости за полночь не ходят. Что делать? Никита по жизни не боец, не дрался. И оружия в помине никакого. Конечно, по сравнению с местными жителями крупным выглядел, акселерация веками шла. Почти на

голову выше остальных мужчин, да и крепок, ловок. И ещё одно обстоятельство заставило замешкаться, законов не знал. Что он вправе делать, а что нет? Между тем пришельцы ночные дверь в избу отворили, в сени вошли. Ожидать, когда они зло сотворят, Никита не стал. Случись худое, смертоубийство, тати сбегут, а все подозрения на него падут. Раньше не видел никто, где раньше жил – неизвестно. Выскользнул во двор, добежал до дровяника, схватил топор. Увереннее себя почувствовал, на крыльцо взлетел, в открытую дверь ворвался. А разбойники уже в избе. Темно там, им сориентироваться надо, где хозяин почивает. Никита сразу закричал.

– Антип, берегись! Разбойники в избе!

На голос его один из непрошеных гостей кинулся, в руке нож блеснул. Тут уж о собственной жизни забота. Никита топором взмахнул, в последний миг перед ударом топорище повернул и набегавшего не остриём ударил, а обухом. Хрясь! Разбойник кулём на дощатый пол упал. А Антип спросонья кричит:

– Рятуйте, люди добрые!

А кто поможет, кроме Никиты? Но вскочил хозяин, выскочил из спальни в одном исподнем. Тать между двух огней оказался. Впереди хозяин, сзади неизвестно кто с топором. Никита хозяину кричит.

– Я его не выпущу, а ты лучину запали!

Тоже не подумавши крикнул. Лучину от углей запалить можно, что в печи кухонной или от лампады перед иконой в углу. Только подойти неизвестный мешает. Пырнёт ножом, и все дела, уравняет шансы, один на один. Всё же Антип сообразил.

– Бей его смертным боем, тать это!

Оставшись в одиночестве, без сообщника, тать запаниковал, к Антипу метнулся, потом к Никите, сообразив, что выход там, а добыча сорвалась.

По Ярославовой правде, да и по поздним уложениям, напавшего разбойника можно было убить без всякого за то наказания, лишь бы свидетель был, видак.

Никита сообразил – нельзя татя упускать, но и убивать нежелательно. Под пытками в Разбойном приказе поведает всё – кто надоумил на Антипа напасть, кто второй, что на полу лежит и не шевелится. Разбойник нож вперёд выставил, замахал им из стороны в сторону, запугивая. Никита, для самого себя неожиданно заорал:

– Ура!

И топором по руке татя ударил, не обухом, лезвием. Разбойник заорал во всю мочь. Сзади на него Антип накинулся, повалил, прохрипел Никите:

– Бей по башке!

Топором Никита бить побоялся, в темноте можно хозяина поранить. Сложил руки вместе, сцепил пальцы, да и ударил со всей силы татя по голове. Тать орать и дёргаться перестал. Антип к лампаде кинулся, лучину от неё зажёг, поближе поднёс. У того татя, что вторым свалили, рука по локоть отсечена, кровь хлещет, на полу лужа. Никита Антипу кричит.

– Верёвку дай, либо ремешок.

Антип из кальсон гашник выдернул, протянул. Никита по типу жгута руку татя выше локтя перетянул, прислушался. Дышит. Ко второму наклонился. И этот жив, ничком лежит. Перевернул его на спину. Блин! На лбу вмятина в кости, кровоподтёк огромный, в пол-лица наливается. Обухом Никита в лоб прямёхонько угодил. А если бы лезвием, располовинил череп. По крайней мере, убийцей себя не чувствовал, на душе легче. Антип подошёл, лучину ниже опустил, в лица татей всмотрелся.

– Незнакомы оба. Хотя вот этого трудно узнать. Здорово ты ему врезал!

– Тебя выручал. На пол посмотри, видишь, какой подарок тебе приготовили?

На полу два здоровенных ножа валяются. Не исключено, тати хозяина убить хотели, избу обыскать, деньги забрать. Только не нашли бы, уж больно хорошо Антип их в подвале прятал в тайнике.

– Пойду городских стражников звать, – засобирался Антип.

Быстро оделся, вышел и вскоре вернулся с двумя стражниками. К тому времени Никита две свечи зажёг. Видимо, Антип, когда стражников вёл, успел им рассказать о нападении. Потому что, едва войдя, один из стражников наклонился к татям, лица разглядеть, и вопросов не задавал.

– О! Так это же Федька, Акинфиев сын с Затьмацкого посада. Пьяница, драчун, в общем – человечишка никчёмный. Надо же, разбойничать взялся. Вообще-то всё к тому шло, на выпивку деньги надобны.

В лицо второго вгляделся, у которого на лбу вмятина от обуха и половина лица заплыла. Такого опознать не просто даже знакомому.

– Не, не узнаю. Это кто? – Повернулся он к Федьке.

Разбойник молчал. Тогда стражник пнул его ногой в бок. Тать взвыл от боли.

– Будешь молчать, я тебя лично на дыбу подвешу.

– Михей из Вороновки, – просипел Федька.

– Надо же, не признал. Морда-то как изменилась.

Стражник, видимо старший, обратился к Антипу:

– Хозяин, у тебя лошадь и телега есть ли?

– Нет. – Антип ещё не отошёл от страшных событий, его трясло.

– Жаль. Не на руках же эту падаль нести.

– Тележка есть, дрова на ней вожу.

– Пойдёт. Тогда пусть он подсобит, – показал на Никиту стражник.

– Подмастерье мой, Никита.

– А завтра обоим с утра в губную избу на суд.

– Слушаюсь, – кивнул Антип.

Он – хозяин избы, супружница в государственном делопроизводстве прав не имеет. Никита тележку к крыльцу подкатил. Стражники, не церемонясь, забросили на неё бесчувственное тело Михея. Потом туда же швырнули небрежно отрубленную руку.

– А ты иди! И не вздумай бежать! – приказал Федьке стражник.

От кровопотери, боли разбойника шатало, шёл он медленно. Но сочувствия не вызывал, сам виноват. Жил бы праведно, как другие. За губной избой – темница. Широкий двор огорожен тыном, посредине изба. В «чёрной палате» площадью с небольшую комнату – полсотни арестантов. Тесно, не прилечь, и душно. Маленькое зарешеченное окно притока свежего воздуха почти не давало. С тележки сбросили тело, Никиту со двора стражники выпроводили.

Пришёл во двор Антипа, а тот с горя стоялого мёда напился, пьяненький на крыльце сидит. Никита кувшин у хозяина отобрал, несмотря на протесты Антипа, понюхал. Пахло бражкой хмельной.

– Антип, спать иди, завтра на суд. Как выглядеть с похмелья будешь?

– И правда! – Антип икнул, с трудом поднялся.

Нагнулся, потом Никиту обнял.

– Сам Господь тебя послал, беду отвёл. Завсегда на меня рассчитывать можешь! Я добро помню!

И хихикнул пьяненько. Из избы Анастасия вышла, выплеснула во двор ушат грязной воды. Ей пришлось замывать следы недавней бойни.

– Антип, шёл бы в постель.

– Всё, иду.

Антип ещё раз икнул, опёрся о плечо жены. Никита в свою комнату прошёл, стянул окровавленную нижнюю рубаху. Жалко, новая почти, а попробуй от крови отстирать.

С утра оба на суд отправились. Антип – после вчерашних событий да выпивки – хмурый.

– Я говорить буду, ты помалкивай! – наущал он. – Ты видак.

– Как же, Антип! Рубил-то топором я, мне отвечать.

– А я хозяин, домовладелец, с меня спрос, – настаивал Антип.

У губной избы народу много собралось. Слушались сразу несколько дел. Преступников в узилище долго не держали. Зачем тратить государевы деньги на прокорм? Виноват – получи наказание, не доказана вина – свободен. Да и какую темницу большую иметь надо, если арестантов подолгу держать?

Судили по Судебнику 1550 года, ещё Ивана IV Грозного. И пользовались им почти сто лет, до 1649 года, когда при царе Алексее Михайловиче было составлено Уложение, где собраны все законы государства. Преступления делились на очень тяжкие – подделка документов, хула и расшатывание устоев религии и государства. За них полагалась квалифицированная смертная казнь – четвертование, посажение на кол. За смертоубийство, разбой казнь могла быть простой – сожжение на костре, отрубание головы, повешение. За воровство, фальшивомонетничество наказывали усечением руки, обрезанием носа или ушей, клеймением. Если масштабы подделок были велики, фальшивомонетчику вливали в глотку расплавленное олово. За менее тяжкие преступления секли кнутом, приговаривали к темнице на срок от трёх дней до пожизненного. А могли и в ссылку сослать в края отдалённые. В государственном масштабе сыском, судом ведал Разбойный приказ, располагавшийся по соседству с Московским Кремлём, у Константиновской башни. В Китай-городе, близ Варваровых ворот, располагался тюремный двор с избами на тысячу узников. Позже Разбойный приказ разделился. Был выделен Приказ сыскных дел и Приказ тайных дел, предтеча жандармерии.

Сторонами процесса могли быть только свободные мужи, не рабы, не бабы или дети. Для получения признательных показаний не воспрещались пытки, с условием, что они не повлекут смерти пытуемого до суда.

На местах – в городах и волостях, судом ведали губные старосты, избираемые из местных дворян. Губой назывался округ. В городах – «излюбленные головы», то бишь старосты. Помощниками у них были выборные «губные целовальники», дававшие клятву и целовавшие на том крест. Судебник Ивана Грозного постановлял – без старост или целовальников «суда не судити». Губным старостам подчинялись городские стражники, десятники, пятидесятники и сотники.

На крыльцо выходил десятник, выкрикивал имя. Люди заходили в избу. Суд был скорый, если губному старосте было всё понятно и видаки вину обвиняемого подтверждали. К полудню выкрикнули Антипа, Матвеева сына. Никита прошёл в избу за хозяином.

За столом сидел губной староста, обочь стола стояли два стражника с дубинами.

– Назовись! – потребовал староста.

Вид важный у судьи, кафтан из дорогой аглицкой ткани, борода маслом умащена, расчёсана.

– Антип, Матвеев сын, свободный гражданин, хозяин домовладения.

– Что можешь сказать по делу?

– Нонешней ночью в избу два татя проникли тайно, сгубить меня хотели, поскольку с ножами пришли. Мой подмастерье, дай Бог ему здоровья, татей узрел, кинулся на них с топором. Одному руку отсёк, другого обухом ударил. Я за стражниками побёг.

Губный староста к Никите обратился.

– Всё так и было?

– Чистая правда! – подтвердил Никита.

– Приведите разбойника, – приказал губной староста стражникам.

В комнату втащили татя, поскольку сам он идти толком не мог.

– Назовись.

– Фёдор, Акинфиев сын, свободный человек.

– Не тебя ли я о прошлом годе к битью кнутом приговорил?

– Было, – помявшись, ответил разбойник.

– Подтверждаешь ли, что нынешней ночью тайно проник с подельником в избу Антипа?

– Подтверждаю.

– Оружие имели?

– Ножи. Это Михей меня подбил!

– Значит, он атаман шайки?

– Он, он! – закивал Федька.

Он думал облегчить свою участь, сказав, что главным предводителем был Михей.

– Последний вопрос. Почему выбрали Антипа? Вы с ним раньше ссорились, вражда была?

– Мы в первый раз увидели его на торгу. Уж больно увесистый мешочек с деньгами был.

Антип покраснел, потом побагровел. Выходит, сам опростоволосился, разбойников за собой привёл.

– За вооружённый разбой и покушение на смертоубийство Михей, как атаман, и Фёдор, Акинфиев сын, приговариваются к казни через повешение, – вынес вердикт губной староста.

Фёдор, как осознал, что вздёрнут его на виселице, заканючил.

– Не виноватый я! Это всё Михей!

Но стражники уже подхватили его под руки, выволокли из комнаты.

– Антип, согласен ли ты с приговором?

– Конечно! Свершилось правосудие! Всё по закону, – закивал Антип.

– Стражники, следующий! Вызовите Аверкия из Затверечья.

– Выходим, – шепнул Антип.

Уже на улице Антип сокрушённо покачал головой.

– Вот же шельмы! Узрели кошель!

– Антип, осторожнее быть надо! В следующий раз можно не отделаться так легко.

– Легко? Да я до утра уснуть не мог!

– Испуг, только и всего! На тебе даже царапины нет. А вот у меня рубаха исподняя в крови, не отстираешь.

Антип смолчал, но направился к торгу. Купил Никите рубаху. Всё же за Антипа Никита пострадал.

И не подозревал Антип, что все неприятности только начинаются. Губной староста из дворян, верный царский слуга. А ещё карьеру сделать хотел, подняться. Из столицы, что всего в сотне вёрст, свежие веяния доходили. Борис Годунов разворотливых и верных людей примечал, приближал ко двору, да не к царскому окружению, в свою свиту. Губной староста не только судил, но и сыском ведал, вроде филиала Разбойного приказа, только местного разлива. Слова разбойника об увесистом кошеле с монетами у Антипа его заинтересовали. Антип – не купец, товары не продает, не корабельщик, грузы не возит. Ремесленником числится, так не видел никто, как он свои поделки продаёт. Кожевенник должен кожи мять, сапожник сапоги тачать, кузнец – косы, замки, навесы дверные делать, сабли да ножи ковать. Антип же непонятен. В обеденный перерыв вызвал к себе десятского Пантелеймона. Этот из кожи лезть будет, чтобы выведать, угодить, поскольку в сотские либо в «губные целовальники» пролезть мечтает. Но для этого постараться надобно.

– Что об Антипе сказать можешь? Сегодня дело о покушении на него слушали.

– Ровным счётом ничего плохого. В Твери давно обретается, вина хмельного не пьёт, бабу свою жалеет, не бьёт. Соседи худого слова сказать не могут.

– А занимается чем?

Пантелеймон затылок поскрёб.

– Вроде ремесленник. Да он же, как видака, подмастерье своего приводил.

– Кузнец он или плотник? Или иконы пишет?

– Откель иконы? Чай, не монах.

– Вот и выведай, чем кормится. Да тайно, чтобы не знал никто.

Пантелеймон вышел от губного старосты озадаченным. Как выведать? Во двор Антипа непрошеным гостем не явишься, не пустят, в своём праве. С соседями поговорить? Могут Антипу донести об интересе, а не хотелось. Решил последить прямо с завтрашнего дня.

С утра местечко удобное нашёл, через три двора от избы Антипа. Один раз супружница Антипа вышла, на торг сходила с корзиной, вернулась быстро. Из лукошка рыбий хвост торчит, лук зелёный. Ну да, мужиков кормить надо, здоровые оба. Антип – тот кряжистый, кость широкая. А подмастерье высок, жилист. Три дня просидел Пантелеймон, а толку нет. Дым из труб избы вьётся, а мужики не показываются. Одна труба, понятное дело, от печи из поварни. А вторая? И как ветром заносит, запах противный. Не кожами, не металлом, а непонятно чем. Тут уж самому десятскому любопытно.

После трёх дней слежки к губному старосте явился ближе к вечеру, когда судебные разбирательства закончились.

– Чего выведал-вынюхал? Делись!

Староста на спинку кресла откинулся, приготовился слушать.

– А нечем делиться, Пётр свет-Кузьмич!

– Как так? Стало быть, с небрежением следил.

– Сам посуди, не гневайся. Три дня из избы не выходят, только супружница Антипа на торг за провизией ходит.

– А мужики-то что же? Со двора носа не кажут?

– Так и есть.

– Ну, молотком стучат либо ещё как-то себя показывают? Или уехали на отхожие промыслы, а дома одна баба осталась?

– Быть такого не может!

– Почему же?

– Две трубы, обе дымят. На одной печи похлёбку готовят либо хлеб пекут. По запаху чую. А вторая тоже дымится и запах противный.

– Кожи мнут?

– Не, я тот запах знаю. Да и кожевенный конец в другой стороне. К тому же не похожи оба. У кожемяк на руках мышцы, что у твоего жеребца. А подмастерье высок, да худ. Не осилит.

– Ещё следи.

– Исполню в точности!

С поклоном десятский Пантелеймон задом-задом и в дверь. Пот со лба рукавом утёр. Если выполнит задание старосты, будет продвижение, а нет, так обратно в простые стражники можно угодить, а не хотелось.

Между тем Антип с Никитой после суда, где целый день потеряли, трудились в поте лица. С утра до вечера киноварь плавили, из породы драгоценные металлы извлекали. Труд тяжёлый, жарко, запахи нехорошие, от которых в носу чешется, кашель нападает. За неделю все мешки с киноварью опустошили и порода закончилась. Опять впереди простой. Следующим утром Антип сказал:

– Бери лопату и тележку, покажу, где породу брать надо. Ходки три-четыре сделать. А я на торг, киноварь искать.

Вышли со двора. Впереди Антип, за ним Никита тележку толкает. Пантелеймон от радости подпрыгнул, ведь неделю попусту время потратил. Антип к берегу Волги вышел. Никита полагал, что здесь и копать будет. Но Антип вёл дальше и, только когда подошли к устью небольшого ручья, сказал:

– Видишь яму? Здесь и копай, да не в глубину, вширь.

Дурная работа нехитрая. Никита принялся лопатой орудовать. Антип постоял немного, посмотрел да и отправился в город. Пантелеймон за ним увязался. Если бы Никита и Антип поосторожнее были, слежку сразу бы обнаружили. Пантелеймон шёл буквально в двадцати шагах, не скрывался, но и Антип не оглядывался. А когда он по торгу пошёл, десятский едва на пятки не наступал, боясь упустить. Антип киноварь нашёл. Немного получалось, на две плавки хватало, но торговец пообещал завтра принести столько же. Пантелеймон

сделку видел. Удивился ещё. По виду киноварь на сургуч походит, зачем Антипу столько? Но название товара запомнил. Сразу к губному старосте помчался, об увиденном доложил.

– Киноварь? Говоришь, на сургуч похоже? Не шведский ли шпион?

Лазутчики шведские и в Твери встречались, а чаще в Пскове и Великом Новгороде. В Твери, столица же рядом, больше польские попадались, народ на выступления против власти подбивали. Но с ними проще. Арестовывали – и в Москву. Антип же не подбивал никого, из избы выходил редко.

– А землю-то куда подмастерье возит? – не понял староста.

– Во двор.

– Может, по хозяйству что делают? Скажем, старый колодец засыпают?

– Не был во дворе, не могу знать, – развёл руками десятский.

Чувствовал староста, что в действиях Антипа нечто необычное есть, но сути понять не мог, грамоты, образования не хватало.

– Последи-ка ещё. А ещё узнай у сведущих людей, для чего киноварь нужна?

– Да у кого узнать? – растерялся Пантелеймон.

– Дурья твоя голова! Да у продавца! Если куски этой дряни продавал, значит, знает, как использовать. А завтра мне доложишь.

Десятский на завтра откладывать не стал. Вернулся на торг, а продавца-то и нет. Стал спрашивать, кто киноварь продаёт.

– А тебе много? – поинтересовался один. – Если в монастыре спросить?

Буркнул в ответ что-то Пантелеймон. Ведь сам догадаться мог. И прямиком в Николаевский Малицкий мужской монастырь. У ворот вместо привратника монах

стоит. К нему и обратился.

– Скажи, святой человече, для чего киноварь нужна?

Монах вопросу не удивился, хотя не часто такие задают. А припомнить – так и впервые.

– Для иконописи, краску на ней варят. Растирают в порошок, маслом разводят. Краска получается красной, на кровь похожа. А стоит переварить немного, как золото блестит.

– Благодарствую, – поклонился Пантелеймон.

Обратно шёл и размышлял. Про то, что Антип иконы пишет, не слыхал. Иконописцы все по монастырям сидят. Разве икону без молитв и поста напишешь? Картина получится непотребная. Однако упоминание о золоте из головы не выходило. Тогда зачем земля, которую подмастерье возил? Да и не земля, на песок больше похоже.

С тем с утра к губному старосте и заявился. Туповат Пантелеймон был, но память хорошая. Разъяснение монаха в точности воспроизвёл, ни одного словечка не упустив. При упоминании о золотом блеске Пётр, сын Кузьмы, в лице изменился. Не фальшивомонетчик ли этот Антип? Тогда получается преступление против царя и государства! Ох, не промахнуться бы! И посоветоваться не с кем. Скажи кому-то, переврут потом, заслуги себе припишут! Решил письмецо отписать в столицу, был у него там знакомый подьячий, да не где-нибудь, при самом Борисе Годунове служил. На службе и написал, что есть-де человечек, киноварь покупает, что-то варит, поскольку из трубы весь день дым идёт с мерзким запахом. Попросил нижайше совета – схватить и пытать или со всем тщанием домовладение обыскать для выявления монет подложных?

Днями гонец из столицы приехал, с оказией письмо своё передал, сургучной печатью запечатав. Верховому гонцу до столицы пять дней скакать надо, меняя на ямских станциях коней. На долгое ожидание настроился. На Руси быстро ничего не делается, чаще медленно, со скрипом. Меж тем Пантелеймон за избой Антипа следить не переставал, но ничего нового, тем более порочащего, не выявил.

Антип уединённо жил, гостей к себе не водил, вина не пил, песен не пел. Со двора не каждый день на улицу выходил. И вообще, стал думать, что скучный человек Антип и следить за ним – только время тратить попусту. Каждый день на предыдущий похож, как две капли воды.

Антип не подозревал, что его скромная персона вызовет такой интерес. С Никитой сделали несколько новых плавок, получили золотник золота и пару золотников серебра. Антип улыбался довольно. Подсказка Никиты позволила получать драгметалла в удвоенном количестве. А Никита всё ждал, когда Антип приступит к опытам с философским камнем или эликсиром, о котором проболтался. После того как он к Антипу попал, был острый интерес. Как же – живой алхимик! Было интересно как учёному-химику на опыты посмотреть, познать новое. А весь труд свёлся к банальному добыванию серебра и золота. Выходит, врал Антип? Разбогатеть хотел, что само по себе неплохо, всё же семью содержать надо, Никиту. Но ведь так могут пройти годы. Месяц уже пролетел незаметно. После ночного происшествия с разбойниками Антип к Никите доверием проникся, в минуты отдыха кое-что рассказывать стал. То, что философского камня для трансмутации металлов в золото не создал, он изначально сказал. Но Никиту теперь интересовал эликсир. Не байка это, сам склянку с непонятной жидкостью видел, нюхал, только понять не мог, что это? Понемногу наводящие вопросы задавать стал. На столе в подвале склянки и горшочки с разным содержимым стоят. Те, что он сам определить смог, его не интересовали – кислоты, щёлочи. Но две склянки для него представляли интерес. Не смог понять, несмотря на химическое образование. Да и немудрено. В мире сотни, тысячи химических соединений, поди все упомни, если не сталкивался никогда.

Склянку взял в руки, понюхал, взболтал. Маслянистая жидкость, пахнет приятно.

– Антип, это что?

– Не знаешь разве? Живица! В деревне каждый малец знает.

Не скажешь Антипу, что он из другого времени и в деревне был один раз, да и то в детстве.

– Запамятовал, прости. А это?

Никита поднял другую склянку. Стеклянная посуда стоила дорого. Почти вся привозная, а если была производства местных умельцев, то корявая, с вкраплениями, стенки неоднородной толщины, мутные, что иной раз уровень содержимого не разглядеть.

– А угадай! Да не бойся, на руку можешь капнуть, понюхать, даже лизнуть.

Никита всё это проделал, да безрезультатно. Как можно вспомнить то, чего не видел и не знал?

– Каменное масло, – довольно усмехнулся Антип. – От башкир привозят.

Как же, утёр нос учёному Никите. А на деле ингредиенты эликсира назвал, сам того не подозревая. Но это явно не все составляющие, должно быть ещё что-то. Кроме того, важно знать технологию. Что с чем смешивать, в каких пропорциях, подогревать или нет. От малейшей ошибки может неудача получиться. Никита надеялся, что Антип не выдержит, когда-нибудь выдаст составляющие эликсира. А уж потом Никита за дело сам возьмётся. Создаст, попробует на какой-нибудь живности, вроде кошки или собаки. А потом подумал – для чего эти знания? Государю, как и его гражданам, эликсир не нужен, живут припеваючи в своей дремучести. Да и не только они, вся Европа, весь мир так живёт. Под парусами ходят, пушками с чёрным порохом пользуются, едят натуральное. Впрочем, с едой как раз хорошо, никаких добавок. Однако и долго не живут. Войны, эпидемии, тяжёлый физический труд, в сорок пять – пятьдесят старики уже. И женщины, с их многочисленными родами при низком уровне медицины, с бабками-повитухами, после родов умирают от горячки. Посмотреть нынешнюю жизнь хорошо, как в музее побывать. Но Никита бы уже и в своё время вернулся, к любимой химии.

Меж тем гонец письмо губного старосты подьячему вручил. Тот прочитал, в руках повертел. Не ответить – неудобно, всё же не простой человек Пётр Кузьмич, дворянского происхождения, а главное – земляк. Помочь надо, вдруг поднимется, в столицу переберётся да обласкан самим Годуновым будет? Придворные да царедворцы всегда вперёд смотрели, хитростью сильны были. Аппарат государевых Приказов любой власти надобен. Царь Фёдор Иоаннович здоровьем слаб, так у него младший брат Дмитрий есть. А ещё могущественный опекун. Вот помяни чёрта всуе, он и явится. В зал, где писцы сидели, столоначальники, сам Бориска явился со свитой многочисленной. Большая свита для народа нужна, пыль в глаза пустить. Но и совсем без свиты нельзя. Всё же

конюшенный, мало того, «слуга и боярин». Второе лицо государства.

Подьячий привстал на стуле, в руке письмо держал. Пройдёт мимо Борис, стало так тому и быть. Но звёзды сложились иначе. Борис, проходя мимо, задержался, сам взял письмо в руки, быстро прочитал. Подьячий про себя подумал – похвально. Не все бояре читать умели, считали, для этого челядь есть – писари, чтецы.

Борис постоял в раздумьях, повернулся к свите.

– Киноварь для чего?

– Иконы писать, – тут же подобострастно выскочил вперёд один из свиты.

– Нет, здесь иное. Если бы иконы, губной староста написал. А скорее всего и не писал вовсе. Вот что, отпишешь письмо. Пусть мастера этого в Москву привезут под стражей. Поговорим, а упираться будет – в Разбойный приказ, попытать со всем тщанием.

Подьячий в поклоне согнулся, Годунов мимо прошествовал. Дьяк, ведавший Приказом, подьячему кулак показал. Получалось, через голову прыгнул! Непорядок, непочтение! Сперва дьяку, как голове Приказа, показать бумагу должен. Но и перечить указанию Годунова не посмел, самому с кресла слететь можно.

Подьячий письмо и отписал. Несколько дней послание гонца дожидалось. Государевы бумаги отправлялись по губерниям не медля, с нарочным. Все остальные отправления копились, ждали оказии.

Антип же постепенно стал рассказывать Никите о своём открытии. Кто из нас не тщеславен, не хочет слышать восторга в свой адрес, тем более заслуженно? Сказать кому-то постороннему Антип опасался, эдак в волхвовании обвинят или ещё хуже – в колдовстве. За это на костёр можно пойти. А Никита свой, тем более в химии сведущ. Подмастерье на похвалы был щедр, знал, похвали человека, он и другие тайны откроет. Кроме того, Никита никогда не интересовался деньгами, не просил повысить жалованье. Для него золото и серебро были лишь продуктом работы, а не драгоценным металлом.

Задержка письма дала три недели спокойной работы, и главное – Антип постепенно пересказал Никите не только состав, но и технологию изготовления эликсира.

– Только смотри – никому! И сам можешь пользоваться, ежели помру.

– Живи долго, Антип! Нам с тобой ещё надо поработать над философским камнем.

– Сам этого хочу. Но чтобы опыты ставить, запас монет надо иметь, чтобы не отвлекаться. Есть-пить что-то надо.

– Согласен.

А через несколько дней в ворота постучали, громко, требовательно. Соседи или прохожие так стучать не будут. Антип с супружницей и Никита за столом сидели, завтракали. Антип, как хозяин, поднялся.

– Кого нечистая несёт?

А у Никиты сразу предчувствие нехорошее появилось. Не про себя, любимого, подумал. Об Антипе беспокоился.

В избу стражники вошли, четверо.

– Собирайтесь, ты и ты!

Пантелеймон ткнул пальцем в Антипа и Никиту.

– Это зачем ещё? – вскинулся Антип.

Супружница его стояла у стены, ладонь ко рту прижала, в глазах испуг.

– В Москву требуют! – заявил десятский.

А на лице самодовольная улыбка. Уж он-то знает, чьих это рук дело. Антип и Никита по узелку собрали с исподним бельём. Анастасия заметалась, собирая харчи. В лукошко каравай хлеба, яйца варёные, копчёную рыбу сунула.

Пантелеймон сказал:

– За государев счёт кормить будут.

У супружницы от сердца отлегло немного. Арестованных не кормят, если только на каторге.

Глава 3

Москва

Этим же днём маленький обоз из двух телег двинулся к столице. На первой телеге Антип с двумя стражами, на второй Никита, с ним Пантелеймон и стражник. Скорость у обоза почти как у пешехода. Стражникам всё едино – по городу слоняться или ехать. Ехать даже интереснее. Тепло, птички поют и забот никаких.

На ночь на постоялом дворе остановились. Ужинали все вместе за одним столом, расплачивался Пантелеймон – за ужин, за постой. Антипа и Никиту в одну комнату определили. Как только за ними дверь закрылась, Никита сразу к окну. А оно маленькое, не пролезть. Размеры оправданны, маленькое окно зимой меньше тепла выпускает, да и где слюды на большое окно взять? Про стекло и речи нет, цена большая, только богатые люди могут себе позволить.

– Ты чего скачешь? – спросил Антип. – Ложись, передохни.

– Бежать надо, Антип! Чует моё сердце, неприятности нас ждут.

– Если бы в злоумышлении подозревали, в кандалах бы везли.

– Тебе стражников мало? Это чтобы не сбежал раньше времени.

– Не, пока не знаю, зачем надобны, но худого не предполагаю. Обыск-то в избе и во дворе не учинили!

– Оптимист ты, Антип. Как бы поздно не было. Закуют в кандалы, в поруб бросят, что тогда?

– Разве тебе вину зачитали? Стало быть, невиновен.

– Да пойми ты, тебе в Москве могут предъявить что хочешь. Сейчас сбежать можно. Спрыгнул с телеги и в лес. Ищи-свищи тебя.

– Э! Тут ты не прав. Это ты голодранец, хоть и учён. А у меня изба, супружница. Бросить нажитое?

– Добежишь до Твери, денежки заберёшь, жену прихватишь и куда-нибудь в деревню подальше.

– Велика ли губерния? Сыщут. А побег из-под стражи – как признание вины.

– Уехать в далёкие места, в тот же Курск или в низовье Волги, под Астрахань. Персия ближе, киноварь дешевле да под рукой. А с золотом и серебром везде хорошо жить можно.

– Дьявольские речи ведёшь, посулами соблазняешь. Не побегу! – отрезал Антип.

Вот святая простота! Не столько Никиту везут, он для счёта, как видак, если Антипу вину предъявят. Раз за хозяина взялись, стало быть, интерес имеют. Никита сапоги стянул, в постель улёгся, глаза прикрыл. Не спал, размышлял. Зачем Антип Москве нужен? Если бы уголовное преступление совершил – разбой, убийство, так в Твери судили бы. Если против церкви умышлял, так не было. Истовый православный, по выходным на утренние службы ходит, на нужды церкви пожертвования делает. Против государства народ на площадях не собирает, не кликушествует, подмётных писем не пишет и не распространяет. Тогда что остаётся? Алхимия! Прознал кто-то, или Антип сам проболтался.

Православная церковь по примеру католической алхимиков не проклинала, поскольку для Руси не актуально. Если и были алхимики, то единицы и давно, век-два назад.

Никита терялся в догадках.

– Антип! – позвал Никита.

– А? Что не спится тебе?

– Ты про занятия свои не говорил никому?

– Не говорил, дай поспать, голова болит.

И вскоре захрапел. А Никита уснуть не мог. Надо решать, и решать сегодня, в крайнем случае завтра. Из Москвы, если в темницу поместят, сбежать трудно. И Антипа бросать стыдно, не по-мужски, вроде бросил в тяжёлую минуту. Далеко за полночь всё же надумал ехать вместе с Антипом, пройти весь путь.

Ехали в итоге долго, две недели, пропылились. Когда первые строения Москвы показались, Пантелеймон на постоялом дворе баню заказал. Вымылись все, включая стражников, из одежды пыль выбили. Почище одежда стала, а всё равно налёт серый. Антип и Никита исподнее сменили.

В Москве остановились на постоялом дворе. Пантелеймон после отдыха сразу ушёл, а вернулся с московскими стражниками. Антипа и Никиту на телеге перевезли на другой постоялый двор. Вроде такой же, как все, уж сколько их на пути в столицу Никита видел. А получилось – особый. В комнату поселили, на ужин позвали, а денег не взяли. Но стоило Никите попытаться со двора через ворота на улицу выйти, как путь преградили два мордоворота, себя шире.

– Ступайте назад, сударь, не велено выпускать.

Два дня просидели как в тюрьме. Никита оконце открыл, пытаясь разглядеть, где они? А всё дома каменные и избы деревянные, никаких опознавательных знаков вроде реки, или стен Кремлёвских, или Китай-города.

На третий день на подводу усадили, сзади стражники пристроились и поехали. Оказалось, не так далеко от центра были. Въехали во двор, огороженный каменным забором, внутри дом в два этажа, кладка кирпичная, с узорочьем, оконца узкие с гирьками. Ждать пришлось недолго. По ступенькам крыльца сошёл мужчина зрелых лет в лёгком кафтане.

– Кланяйся, – толкнул Никиту в бок Антип.

Поклон поясной оба отбили. На лице подходившего улыбка.

– Как доехали, гости дорогие?

Хм, гости! В гости под конвоем не водят. Никита полшага назад сделал, он кто? Подмастерье, на вторых ролях. Пусть Антип говорит.

– День добрый! – ответствовал Антип. Хорошо добрались, твоими молитвами.

Никиту вопрос мучил: кто такой этот мужчина? Какое положение при дворе занимает?

– Если не ошибаюсь, тебя Антипом звать?

– Правильно.

– Чем на пропитание зарабатываешь?

Антип слегка замешкался. Не ожидал такого вопроса, а зря. Вместо того чтобы дрыхнуть, продумал бы все возможные варианты событий. И не придумал лучшего, как сказать напрямик.

– Алхимик я.

– О!

Мужчина руки раскинул, сделал несколько шагов вперёд, приобнял за плечи Антипа.

– Такие люди государству нашему потребны зело!

Наверное, Антип думал, что мужчина перед ним не знает, кто такой алхимик.

– Мы бы хотели поглядеть, как у тебя получается. Покажешь?

– Для этого горн нужен, киноварь, порода.

– Всё приготовят мои помощники, ты только скажи. А это кто?

Мужчина вперил взгляд в Никиту.

– Подмастерье.

Мужчина сразу интерес к Никите потерял. Ухватил Антипа под локоть, в сторону отвёл. Никита обернулся к стражникам сзади.

– Хозяин-то кто таков?

– У тебя что, зенки повылазили? Это же опекун царский, Годунов.

Ё-моё! Никита его другим представлял, как на литографии. Не похож вовсе! Второй человек по значимости в государстве, а по влиянию так и первый. Слуга и боярин – официальный чин, по-современному – премьер-министр. Пожалуй, что и полномочий побольше. Современный не может отдать приказ посадить на кол или отобрать имение, отлучить от двора.

Вот это влипли! Антип, дурачок-простофиля, не понял ещё, что голову в петлю сунул. Борис ласков с ним, думает, что Антип мешки золота создаст из ничего. Только не получится, нет философского камня. Тогда Борис осерчает, и гнев его может быть в прямом смысле убийственным.

Годунов сделал знак, стражники вывели со двора алхимика и Никиту. Аудиенция кончилась. Борис – человек занятой, не каждый боярин или князь к нему на приём быстро попадёт. Антип же не благородных кровей, такие вовсе доступа к нему не имеют, и удосужился он такой чести только из-за перспектив на золото.

Никита понял, говорить Антипу что-либо бесполезно, не свернёт, уж коли чего-то решил. Да и поздно уже, когда стражники за спинами. Отвезли их на прежний постоялый двор, накормили. В комнате Антип руки потирал.

– Я-то думал, зачем в Первопрестольную везут? Злато-серебро им надо.

– Антип, не в тех объёмах, которые ты можешь сделать, – не сдержался Никита. – Годунов считает, что ты алхимик, свинец в золото обратишь. И не два золотника, а мешки. Много мешков, целые подводы.

– Это нереально!

– Завтра Годунову скажешь, думаю, не поверит.

– Значит, домой пешком пойдём.

Ох, дурень! Сам назвался алхимиком, кто после этого ему поверит? Всерьёз думать Годунов и его окружение будут, что скрывает, темнит. И первое, что сделают, попытаются выбить сокровенные знания силой. А философский камень попробуют найти в избе Антипа, для чего людей пошлют. Перероют всё, не исключено – тайник обнаружат с монетами и эликсиром. Жидкость в склянке выбросят или сосуд разобьют, не золото же! И останется Антип с супружницей у разбитого корыта, как в сказке Пушкина.

Утром Антип поднялся рано, ещё до рассвета. По комнате ходил, видно, нервничал.

– Выходи оправиться и завтракать, – приказали стражники.

Когда сели завтракать, у Антипа аппетит пропал. Поковырялся ложкой в миске с кашей, в сторону отодвинул. А Никита съел всё. На повозке их снова доставили во владение Годунова. Никита подумал ещё, что Борис имеет палаты в Кремле, а это владение больше для тайных дел.

Их провели на задний двор, где располагались хозяйственные постройки – кухня, амбары, каретный сарай, конюшня. Посередине стоял горн, кучкой лежала порода. В горне уже полыхал огонь. Немного поодаль стояли люди, двое

– в простых кафтанах.

А ещё стояло деревянное кресло, пока пустое. Не спеша, вальяжно из дома вышел Годунов, махнул рукой.

– Можете приступать.

Антип всё делал сам, Никита только меха у горна качал, поддерживая огонь. Двое в простых кафтанах подошли ближе, внимательно наблюдая за каждым действием Антипа. Никита про себя удивлялся. Кто такие? Тоже алхимики? Позже выяснилось, рудные мастера, с Нечаевского рудника. Рудник был один из немногих, где добывали серебро. Однако пласты скудные были, выход серебра низкий.

За несколько часов, что длилась плавка, к Годунову подходили вельможи, подсовывали бумаги. Некоторые он подписывал, другие возвращал, почти не читая. Несколько раз слуги из дома подносили Борису стеклянные кубки с напитками. То ли вино, то ли морс розового цвета. Борису действо Антипа явно наскучило, позёвывал, барабанил пальцами по подлокотникам. Наконец Антип вытащил щипцами из чаши два кусочка. Поменьше – золото, побольше – серебро. Годунов оживился, приказал что-то слугам. Из дома вынесли стол, установили аптекарские весы. Такими же пользовались ювелиры. Простое изделие – коромысло на стойке, две чаши, гирьки. Рудных дел мастера взвесили золото, потом серебро. Борис не выдержал, вскочил, к столу подошёл. Один из мастеров покачал головой.

– Порода тощая была, а выход серебра вдвое. И золото, которое мы вообще не получаем.

– Можете у себя такожды делать?

– Ничего хитрого, осилим! Нам бы только киновари.

– Будет!

Борис повернулся к Антипу, улыбнулся приветливо. Но обнимать не стал, не по чину, да и одежда на Антипе в пыли, гарью пахнет, химикатами.

– Порадовал ты меня… э… Антип! Не зря тебя в Москву доставили!

Антип сам в улыбке расплылся. Как же, самому Годунову угодил. А Борис повернулся к слугам, приказал.

– Несите.

Каждый из двух слуг принёс, кряхтя от натуги, по свинцовому пушечному ядру. Плюхнули на землю, лица красные от усилий.

– А теперь, Антип-мастер, яви нам небывалое. Обрати свинец в золото.

– Да как же, батюшка! Не могу, не создал философского камня. Время не пришло, далее трудиться надобно!

Помрачнело чело Борисово.

– Зачем же ты алхимиком назвался? Голову мне морочил, время оторвал?

Струхнул Антип. Никита тоже напрягся. Ничего не обходится так дорого, как глупость. Борис шаг вперёд сделал, вперился своими глазами в глаза Антипа.

– Или ты скрываешь? Показать не желаешь?

– Что ты, что ты, боярин! И в мыслях не было, вот как перед Богом!

Антип перекрестился. Но Борис не поверил.

– В темницу обоих! Антипа и этого подмастерье! Пытать обоих, пока не скажут. В первую очередь – этого!

И ткнул пальцем в Антипа. Стража подскочила, вывела алхимика и Никиту со двора, уже не церемонясь, подталкивая. На телегу усадив, повезли. Да не в сторону постоялого двора, а к Кремлю, стены которого показались. И прямиком в Разбойный приказ, хоть Антип и подмастерье не разбойники вовсе. Стражники что-то сказали главному тюремщику, тот кивнул. По лестнице обоих в подвал

свели, бросили в камеру. Потолки низкие, сводчатые, окон нет, а вместо одной из стен – решётка. Из коридора надсмотрщики в любой момент видят, чем арестованные занимаются. На полу полусгнившая солома, запах сильный, неприятный. В одном углу параша, в другом бадья с водой и кружка. Никита сразу понял – из камеры сбежать возможности нет. Подкоп не сделаешь, стены каменные, метра полтора толщиной, окна и вовсе нет. Освещение только от факелов на стенах в коридоре. И сыро, с потолка капли срываются. А ещё страшно стало. Замучают ведь до смерти.

Антип вообще в уныние впал. Сидел в углу на сене, раскачивался в стороны.

– Боже, за что мне такие испытания?

Никите жалко его было. А с другой стороны – кто его за язык тянул? На вопрос Годунова ответил бы – рудознатец. Показал бы выплавку драгметаллов, государству тоже польза. И отпустили бы восвояси. До вечера их никто не трогал, но и еды не принесли. Никита себя мысленно похвалил за то, что позавтракал, не брал примера с Антипа. Сколько времени ушло, не понятно. Окна нет, узнать время суток невозможно. В голову дурные мысли лезли, да сон сморил. Потом в коридоре загремели ключами надсмотрщики. Открыли дверь из железных прутьев, схватили Антипа под локти, поволокли, хотя он и не упирался. Позже по коридору прошествовал писец, в одной руке очинённые гусиные перья, в другой – чернильница. После него подьячий и заплечных дел мастер в чёрном колпаке на голове с прорезями для глаз. Пыточная была недалеко от камеры, и когда говорили громко, Никита отчётливо слышал. Подьячий вопросы задавал. Сначала простые – имя и фамилия, где проживает, чем занимается. Потом пошли вопросы о философском камне, о золоте. Сколько добыл, где хранит, что с ним делал? Антип отрицал всё – камня не имел, золото и серебро получал плавкой из руды. Вскоре послышались удары, Антип стонать начал, вскрикивать. А потом и вовсе кричать. Никита уши руками прикрыл. Не было сил слушать, как пытают Антипа. В принципе – неплохой мужик. Не без недостатков – скуповат, похвалиться любит. Но за это же не пытают. Не заслужил он такого обращения, и не от разбойников – от государства. Не было за ним вины, Никита точно знал. У самого на душе тоскливо. Как представил, что после Антипа за него примутся, мурашки по коже побежали. Надо было бежать, когда имелась возможность это сделать. А теперь сложно из-за решётки выбраться. Но и ждать, пока палач искалечит, не в его характере.

Вопли истязаемого Антипа стихли. Надсмотрщики принесли Антипа в камеру, швырнули на пол. Лицо окровавлено, на спине рубаха разорвана, кожа вспухла багровыми рубцами от ударов палкой. Хорошо ещё, не кнут. Если из бычьей кожи, да вымоченный в солёной воде, да в умелых руках, кожу рассекает вместе с мышцами, а то и рёбра поломать может. Никита оторвал кусок исподней рубахи, смочил водой, обтёр лицо и спину Антипу. Тот в себя пришёл, прошептал.

– Пить!

Никита кружкой воды из бадьи зачерпнул, приподнял голову хозяину, дал напиться. Хотя какой же он сейчас хозяин, положение с Никитой равное.

– Наклонись, – прошептал Антип.

Никита просьбу выполнил.

– Зря я тебя не послушал. Бежать надо было. Не представляешь, как больно!

– Не представляю, но слышал крики твои.

– Крепился сначала, крестик нательный зубами сжимал, молитвы Всевышнему возносил, а не выдержал.

– Сказал им что-нибудь?

– А что я могу, если философский камень не создал. Они не верят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/posledniy-alhimik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити